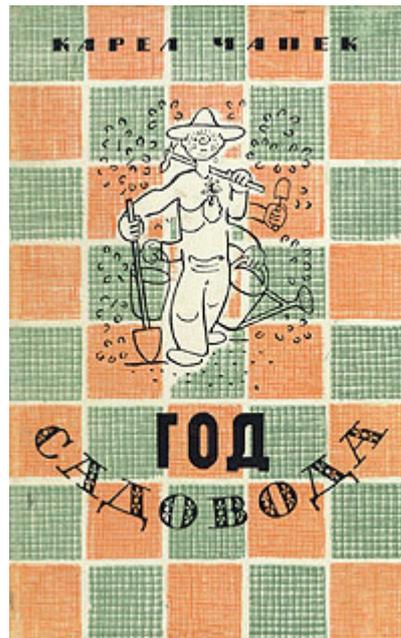

Карел Чапек Год садовода

Константин Александров

«Карел Чапек «Год садовода»»: Издательство «Художественная литература»; Москва; 1961

Аннотация

В книгу Карела Чапека включены юмористические рассказы цикла «Год садовода». В одном из первых рассказов «Как получается садовод» К. Чапек пишет: «Вопреки ожиданиям садовод получается не из семени, черенка, луковицы, клубня или путем прививки, а в результате опыта, под влиянием среды и природных условий». Юмористическое произведение, полное беззаботного веселья, духовной свободы учит видеть большое в малом.

Карел Чапек

Год садовода

Карел Чапек, перевод Д. Горбова, рисунки Йозефа Чапека, 1929 г.

Как разбивать сады

Есть несколько способов разбивать сады: лучший из них – поручить это дело садовнику. Садовник насаждает вам всяких там жердей, прутьев и веников, называя их кленами, боярышником, сиренью, – древесными, кустарниковыми и прочими растительными видами. Потом станет рыться в земле, перевернет ее всю вверх тормашками и опять утрамбуует, наделает из шлака дорожек, понатыкает в землю какой-то вялой ботвы, объявив ее многолетниками, посеет на месте будущего газона семян, называя их английским роженцом, лисохвостом, гречкой, а потом уйдет, оставив сад бурым и голым, как в первый день творения. Только напомним вам, чтобы вы каждый день всю эту глину тщательно поливали, а когда взойдет трава – велели привезти песку для дорожек. Ну, ладно.

Некоторые думают, что поливать сад очень просто, – особенно, если есть шланг. Но скоро обнаруживается, что шланг – существо необычайно коварное и опасное, пока не приручен: он крутится, прыгает изгибается, пускает под себя пропасть воды и с наслаждением полощется в грязи, которую сам развел; потом бросается на человека, который собрался поливать, и обвивается вокруг его ноги; приходится наступить на него; тогда он становится на дыбы и обвивается человеку вокруг пояса и шеи; и пока схваченный его кольцами вступает с ним в единоборство, как со змеей, чудовище подымает кверху свое медное рыло, извергая мощную струю воды – прямо в окна, на свежестиранные занавески. Тут надо энергично схватить его за голову и потянуть что есть силы; бестия расвирапееет и начнет струить воду уже не из рыла, а возле гидранта и откуда-то прямо из тела. На первый случай нужны трое, чтобы кое-как с ним справиться; все они покидают поле сражения мокрые, по уши в грязи. Что же касается сада, то местами он превратился в топкие лужи, а в других местах трескается от жажды.

Если вы будете совершать эту операцию каждый день, то через две недели вместо травы покажутся сорняки. Это – одна из тайн природы: отчего из самого лучшего семенного материала вместо травы вырастает какое-то буйное, колючее былье? Может быть, для того чтобы получился хороший газон, нужно сеять сорняки? Через три недели газон густо зарос чертополохом и всякой нечистью, ползучей либо уходящей корнями в землю на целый локоть. Станешь ее вырывать, – она обламывается у самого корешка либо захватывает с собой целую грудку земли. Выходит так: чем гаже поросль, тем она сильней цепляется за жизнь.

Между тем в результате некоего таинственного химического процесса шлак дорожек превратился в самую мазку, липкую глину, какую только можно себе представить.

Но так или иначе, сорняки из газонов нужно выпалывать. Полешь, полешь, оставляя позади будущий газон в виде голой желтой глины, какой она была в первый день творения. Только в двух-трех местечках проступает что-то вроде зеленоватой плесени, что-то зыбкое, реденькое, похожее на пушок. Сомнений нет, это травка. Ты ходишь вокруг нее на цыпочках, отгоняешь воробьев. А пока тарачишь глаза на землю, уже распустились первые листочки на кустах крыжовника и красной смородины: весна всегда подкрадывается незаметно.

И твое отношение к окружающему изменилось. Идет дождь – ты говоришь, что он поливает сад; светит солнце – оно это делает не просто так, а освещает сад; наступает ночь, ты радуешься, что наступил отдых для сада.

Придет день, когда ты откроешь глаза и увидишь: сад стоит зеленый, высокая трава сверкает росой, из гущи розового куста выглядывают тяжелые темно-красные бутоны. А деревья разрослись, стоят развесистые, тенистые, с пышными кронами, дыша ароматной прелью в сыром полумраке. И ты уже не вспомнишь о нежном, голом, буром садике тех дней, о робком пушке первой травки, о скудном проклевывании первых листочков, обо всей этой глинистой, бедной, трогательной красоте только что разбитого сада...

Как получается садовод

Вопреки ожиданиям садовод получается не из семени, черенка, луковицы, клубня или путем прививки, а в результате опыта, под влиянием среды и природных условий.

В детстве я относился к отцовскому саду недоброжелательно, даже вредительно, так как мне запрещалось ходить по клумбам и рвать незрелые плоды.

Ну вот, как Адаму в раю было запрещено ходить по грядкам и срывать плоды с дерева познания добра и зла, оттого что они были еще незрелые; но Адам – совсем как мы, дети, – нарвал себе незрелых плодов, за что и был изгнан из рая. И с тех пор плоды дерева познания остаются и остаются впредь незрелыми.

Пока человек в цвете молодости, он думает, что цветы – это что-то такое, что вдевают себе в петлицу и преподносят девушкам. Он не имеет ни малейшего представления о том, что цветы – нечто зимующее, требующее окапывания, унавоживания, поливки, пересаживания, подрезки, подстрижки, подвязывания, удаления сорняков и плодников, засохших листьев, тлей и грибка. Вместо того чтобы перекапывать клумбы, он бегаёт за девушками, тешит свое тщеславие, пользуется благами жизни, которые созданы не им, – вообще ведет себя как разрушитель. Для того чтобы стать садоводом-любителем, нужно достичь известной зрелости, так сказать, отцовского возраста. Кроме того, нужно иметь свой сад. Разбить его обычно поручают садовнику-профессионалу, с тем чтобы ходить туда после работы – любоваться цветочками и слушать пенье птичек. Но в один прекрасный день захочется и самому посадить цветок: у меня так было раз с бессмертником. При этом – через какую-нибудь царапину или еще как – в кровь тебе попадет немножко земли, а с ней – нечто вроде инфекции, или отравы, – и стал человек отчаянным садоводом. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

А иногда садовод получается в результате заразы, занесенной от соседей. Увидел ты, скажем, что у них смолянка зацвела. “Черт возьми! – думаешь. – А почему бы ей не цвести и у меня? Еще лучше расцветет!” С этого момента садовод становится все больше и больше рабом своей страсти, питаемой дальнейшими успехами и подстегиваемой дальнейшими неудачами. В нем зарождается коллекционерский азарт, побуждающий его выращивать все растения по алфавиту – от Асаен'ы до Zauschnei'и; а впоследствии развивается фанатизм специалиста, превращающий человека, до тех пор вполне вменяемого, в розомана, георгиномана или какого-нибудь другого иступленного маньяка...

А иные, став жертвой страсти к декорированию, беспрестанно перестраивают и перепланировывают свой сад, подбирают оттенки, перегруппировывают кусты и, подстрекаемые так называемым творческим беспокойством, не дают ничему стоять и расти на своем месте. Пусть никто не думает, будто садоводство – занятие буколическое и располагающее к размышлениям. Это – ненасытная страсть, как все, за что ни возьмется человек обстоятельный.

Скажу еще, как узнать настоящего садовода.

– Обязательно приходите ко мне, – говорит он. – Я хочу показать вам свой сад.

Вы пришли к нему, чтобы сделать ему приятное, и обнаруживаете его заднюю часть, воздвигающуюся где-то между многолетниками.

– Иду, – кидает он через плечо. – Только посажу вот.

– Ради бога, не беспокойтесь, – любезно отвечает вы.

Через какое-то время он, видимо, кончил сажать, во всяком случае выпрямился, испачкал вам руку и, весь сияя гостеприимством, говорит:

– Пойдемте, я покажу вам. Садик небольшой, но... Минуту! – прерывает он сам себя и, на-

клонившись над куртиной, выдергивает несколько травинок. – Идем. Я покажу вам *Dianthus Musalae*. Что-то особенное... Господи, забыл здесь разрыхлить!

Спохватившись, он опять начинает рыться в земле.

Через четверть часа выпрямляется снова.

– Да, да, – говорит он. – Я хотел показать вам свои колокольчики. *Campanula Wilsonae*. Это самые лучшие, какие только... Погодите, только подвяжу вот этот *Delphinium*...

Подвязав, он вспоминает:

– Ах да, вы хотите посмотреть на *Erodium*. Минутку, – уже снова ворчит он. – Надо пересадить эту астру: ей тут тесно.

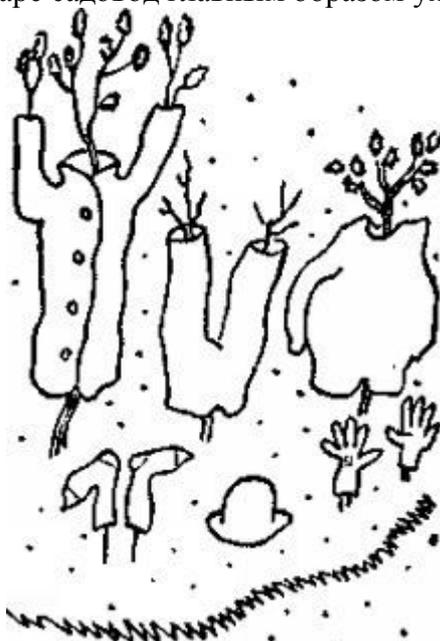
Тут вы уходите на цыпочках, предоставляя его задней части возвышаться среди многолетников.

Встретив вас еще раз, он опять скажет вам: – Обязательно приходите посмотреть: у меня расцвела роза Перне. Бесподобно! Придете? Только без обмана!

Что ж, ладно. Давайте навещать его: посмотрим, как протекает его год.

ЯНВАРЬ САДОВОДА

“Даже в январе нельзя сидеть сложа руки”, – говорится в пособиях по садоводству. И это на самом деле так; потому что в январе садовод главным образом ухаживает за погодой.

Погода вообще – дело хитрое: она никогда не бывает такой, как надо. У нее всегда – то перелет, то недолет. Уровень температуры никогда не соответствует среднему за сто лет: обязательно хоть на пять градусов, да выше или ниже. Осадки – то на десять миллиметров ниже нормального, то на двадцать миллиметров выше; коли не сухь, так сырость.

И если даже люди, которым, в общем, до всего этого дела нет, имеют столько оснований жаловаться на погоду, то как же должен чувствовать себя садовод! Выпадет мало снегу, садовод с полным правом сетует на его недостаток; навалит много – становится страшно, как бы он не обломил ветви у можжевельника и рододендронов. Совсем нет снега – опять беда: губительны сухие морозы. Настанет оттепель – садовод прокликает сопровождающие ее безумные ветры, у которых скверная привычка раскидывать хвойные и другие покрытия по саду; да еще того гляди – чтоб им пусто было! – какое-нибудь деревце ему поломают. Начнет вдруг в январе светить солнце, садовод хватается за голову: кусты раньше времени нальются соком. Дождь пойдет – тревога за альпийские растения; сухо – сердце сжимается при мысли о рододендронах и андромедах. А ведь ему так мало надо: просто – с первого до тридцать первого января ноль целых девять десятых градуса ниже нуля, сто двадцать семь миллиметров снежного покрова (легкого и по возможности свежего), преобладание облачности, штиль либо умеренный ветер с запада; и все в порядке. Но не тут-то было: о нас, садоводах, никто не думает, никто не спрашивает, как нам надо. Оттого и идет все кривь и вкось на этом свете.

Хуже всего садоводу в морозы без снега. Тогда земля затвердевает и сохнет с каждым днем,

с каждой ночью все глубже и глубже. Садовод думает о корешках, замерзающих в земле, мертвой и твердой, как камень; о ветках, пронизываемых насквозь сухим ледяным ветром; о мерзнущих почках, в которые растение упаковало осенью все свои пожитки. Если бы садовод знал, что это поможет, он надел бы на свой падуб собственный пиджак, а на можжевельник – брюки. Ради тебя я с удовольствием сниму свою рубашку, черноморская азалийка; тебя, длужиха, я накрою своей шляпой; а для тебя, красноглазка, останутся только мои носки; вот возьми, пожалуйста.

Существуют разные уловки, как поладить с погодой и повлиять на нее. Например, как только я решу надеть на себя все, что у меня есть самого теплого из одежды, так сейчас же становится тепло. Точно так же наступает оттепель, если соберется компания для лыжной экскурсии в горы. И когда кто-нибудь напишет газетную статью, где говорится о морозе, о здоровом румянце на лицах, о хоровах конькобежцев на катках и других явлениях такого рода, то едва эту статью начнут набирать в типографии, опять-таки сразу наступает оттепель, и люди читают статью, а на дворе снова мокреть, дождь и термометр показывает восемь выше нуля. И читатель говорит, что в газетах все врут, морочат голову; ну вас с вашими газетами! Наоборот, проклятия, упреки, заклинания, воздевание рук, восклицания “брр!” и прочие магические действия на погоду влияния не оказывают.

Что касается январской растительности, то самой примечательной ее разновидностью являются так называемые цветы на стеклах. Для пышного их расцвета требуется, чтобы у вас в комнате надыхали хоть немного водяных паров; если же воздух совершенно сух, вы не выведете на окнах самой жалкой елочки, не говоря уже о цветах. Далее необходимо, чтобы в окне была где-нибудь щель, откуда дует: именно тут и распускаются цветы из льда. Лучше всего они цветут у бедняков: у богатых окна закрываются слишком плотно.

В ботаническом отношении цветы из льда отличаются тем, что это, собственно говоря, не цветы, а просто ботва. Ботва, напоминающая цикорий, петрушку и листья сельдерея; затем – всевозможные лопухи из семейства *Cynarosephalae*, *Carduaceae*, *Dipsaceae*, *Acanthaceae*, *Umbelliferae* и проч., ее можно также сравнить с такими видами, как остропестр или волчец, купавка, осот, нотабазис, чертополох, белица, репейник, ворсянка, дикий шафран, бадель, и еще некоторыми колючими растениями, с перистыми, зубчатыми, раздвоенными, кружевными, фестончатыми и бахромчатыми листьями; иногда она похожа на ветви папоротника или листья пальм, иногда на иглы можжевельника; но цветов не имеет.

Итак, пособия по садоводству утверждают, – видимо, для утешения, – что “даже в январе садоводу нельзя сидеть сложа руки”. Прежде всего будто можно обрабатывать почву, которая будто бы крошится от мороза. И вот уже на Новый год садовод кидается в сад – обрабатывать почву. Он набрасывается на нее с заступом; после напряженных усилий ему удается сломать заступ, потому что земля тверда, корунд. Он продолжает свои попытки, вооружившись мотыгой; в результате его упорства у мотыги переламывается рукоять. Он хватается кирку и при помощи повреждает луковицы тюльпанов, которые сам посадил осенью. Остается только одно средство: пустить в ход молоток и долото; но этот способ обработки почвы – очень медленный и скоро надоедает. Неплохо бы,

пожалуй, разрыхлять ее динамитом, но у садоводов редко бывает динамит. Ладно, предоставим это дело оттепели. Да вот и она. И садовод спешит в сад, чтобы завершить обработку почвы. Через некоторое время он тащит ее к себе в дом, налипшую на сапоги, так как сверху она оттаяла, рем не менее он делает радостное лицо и твердит, что земля уже раскрывается. Нужно только “произвести кое-какие подготовительные работы к наступающему сезону”.

“Если у тебя в подвале сухо, приготовь цветочной земли, хорошенько смешай ее с прелыми листьями компостом, перегнившим коровьим навозом, и добавь немного песку”. Превосходно! Только вот беда: в подвале – кокс и уголь; всюду эти женщины насыют своей домашней дребедени!... Разве что в спальне чернозему навалить...

“Используй зимнее время для ремонта бельведерчика, павильончика, беседки”. Правильно; только пет у меня ни бельведерчика, ни павильончика, ни беседки. “И в январе молено класть дерн...” Было бы куда; может, в прихожей или на чердаке? “Главное, следи за температурой в оранжерее”. И рад бы следить, да оранжереи нету... От всех этих пособий по садоводству мало толку.

Так что выходит: ждать и ждать. Господи, какой январь длинный! Поскорей бы февраль...

– Думаешь, в феврале уже можно что-нибудь делать в саду?

– Ну, не в феврале, так хоть в марте.

И вдруг, совершенно неожиданно для садовода, без того чтобы он пальцем пошевелил, у него в саду распускаются крокусы и подснежники.

Семена

По мнению одних, в землю надо вносить древесный уголь, тогда как другие это оспаривают; некоторые рекомендуют немного желтого песку – на том основании, будто бы в нем содержится железо; но другие от этого предостерегают – и как раз из тех соображений, что в нем содержится железо. Один считают необходимым чистый речной песок, другие – обыкновенный торф, третьи – древесные опилки. Короче говоря, подготовка почвы к посеву представляет собой великую тайну и колдовской обряд. К почве надо подбавлять мраморной пыли (но где ее взять?), трехлетнего коровьего навоза (причем неясно, идет ли речь о навозе коров-трехлеток или о навозе, пролежавшем три года), щепотку свежей кротовины, толченной в порошок, необожженного кирпича, лабского (ни в коем случае не влтавского) песка, трехлетней парниковой земли, да еще, пожалуй, перегноя золотого папоротника и горсть земли с могилы повешенной девушки. Все это надо хорошенько смешать (в новолуние, полнолуние или в ночь под Филиппа и Иакова, на это в садоводческой литературе нет указаний), и когда вы насыпете этой чудодейственной земли в цветочные горшки (вымоченные в воде, про– Стоявшей три лета на солнце, причем на дно каждого надо положить вываренный черепок и кусок древесного угля, против чего, впрочем, некоторые авторитеты возражают), когда вы все это проделаете, соблюдая при этом сотню предписаний, в корне друг другу противоречащих, чем весь этот обряд до крайности осложняется, можете приступить к делу, то

есть к посеву.

Что касается семян, то некоторые из них похожи на нюхательный табак, другие на светленькие, бледные гниды, третьи на блестящих темно-коричневых блох без ножек. Есть среди них плоские, как монетки, круглые, будто налитые, тонкие, как иголки; есть крылатые, колючие, пушистые, голые и волосатые; крупные, как прусаки, и мелкие, как пылинки в солнечном луче. Могут засвидетельствовать, что каждый вид отличается от другого, и все вызывают удивление: жизнь сложна. Из того вон большого хохлатого страшилища должна появиться низенькая, сухая колючка, а из этой желтой гниды будто бы подыметесь огромный толстый котиледон. Что тут скажешь? Просто не верится.

Ладно, вы посеяли. Поставили горшки в тепловатую воду и накрыли их стеклом. Занавесили окна, чтобы не било солнце, и закрыли их, чтобы в комнате установилась парниковая сорокаградусная температура. Все в порядке. Теперь для каждого посеявшего наступает пора энергичной, напряженной деятельности, то есть ожидания. Обливаясь потом, без пиджака и жилетки, затаив дыхание, склоняется ожидающий над своими цветочными горшками, словно вытягивая взглядом ростки, которые вот-вот должны пробиться.

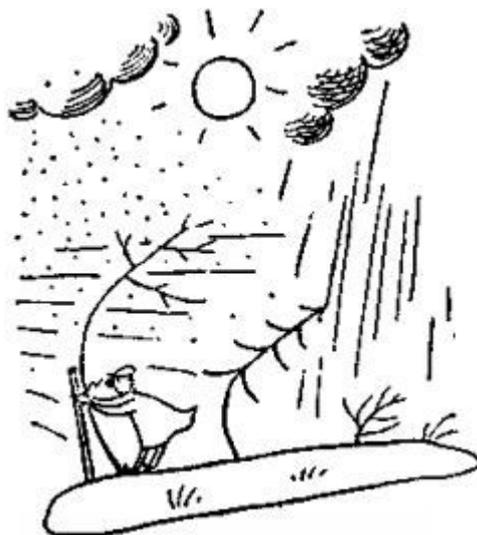
Первый день нет ни малейших признаков всходов и ожидающий всю ночь ворочается с боку на бок на постели, томясь в ожидании утра. На другой день таинственная почва порождает пятнышко плесени. И ожидающий уже радуется, видя в этом пятнышке первый след жизни. На третий день вылезает что-то на длинной белой ножке и начинает расти как сумасшедшее. Ожидающий начинает чуть не громко ликовать – дескать, вот оно! – и беречь этот первый маленький побег, как зеницу ока. На четвертый день, когда росточек невероятно вытянулся вверх, в душу ожидающего закрадывается тревога: уж не сорняк ли какой? Вскоре обнаруживается, что опасение не лишено оснований. Это первое, появившееся в горшке, длинное, тонкое растение неизменно оказывается сорняком. Тут, видимо, какой-то закон природы.

Но вот примерно на восьмой день, а то и позже, вдруг ни с того ни с сего, в какой-то не поддающийся учету, таинственный момент (так как никто никогда этого не видел и не наблюдал) тихонько раздвигается земля и появляется на свет первый росток. Я всегда думал, что былинки прорастают из семени либо вниз корешком, либо вверх, как картофельная ботва. Оказывается, ничего подобного. Почти каждая былинка растет кверху под своим семенем, приподнимая его своей верхушкой, как шапочку на голове. Представьте себе, если бы ребенок рос, держа на голове родную мать. Это просто чудо природы; и такой атлетический трюк производит почти каждый росток: подымает семя вверх все смелее и смелее, до тех пор пока в один прекрасный день не уронит или не отбросит его и не станет после этого голый и хрупкий, коренастый или тщедушный, и на макушке у него два эдаких смешных листочка; а между двух этих листочков показывается потом...

Что? Этого я вам сейчас не скажу. Рано. Пока – только два листочка на бледном стебельке, но это так удивительно, и столько в этом разнообразия: у каждого растеньица по-своему... Так что я хотел сказать? Ах да, ничего особенного: только то, что жизнь гораздо сложнее, чем это можно себе представить.

ФЕВРАЛЬ САДОВОДА

В феврале садовод продолжает работы, начатые в январе – а именно, главным образом ухаживает за погодой. Дело в том, что февраль – время опасное, угрожающее садоводу бесснежными морозами, солнцем, сыростью, сухью и ветрами. Этот самый месяц в году – какой-то заморыш среди других месяцев, недоношенный, високосный, вообще не солидный, – выделяется среди них своими коварными проделками. С ним – держи ухо востро! Днем выманит на свет божий почки на кустах, а ночью сожжет их морозом; одной рукой гладит нас, а другой – щелкает по носу. Черт его знает, почему в високосные года именно этому вертлявому, катаральному, лукавому месяцу-коротышке прибавляют один день; уж лучше прибавлять день чудному месяцу маю: пускай будет тридцать два. Вот это дело! С какой стати нам, садоводам, страдать?

Следующей сезонной работой в феврале является подстерегание первых признаков весны. Садовод ни во что не ставит ни первых Майских жуков, ни первых бабочек, которые обычно возвещают весну на страницах газет: во-первых, майские жуки ему вообще ни к чему, а во-вторых, первой бабочкой обычно является последняя, прошлогодняя, забывшая умереть. Первые признаки весны, взыскуемые садоводом, более надежны. Они – следующие:

1. Крокусы, появляющиеся у него в траве в виде крепких, упругих остроконечных шишечек; в один прекрасный день такая шишечка вдруг лопнет (при этом еще никто никогда не присутствовал) и превратится в пучок красивых зеленых листиков. Это и есть первый признак весны. Затем:

2. Садоводческие прейскуранты, которые приносит ему почтальон. Хотя садовод знает их наизусть (подобно тому как Илиада начинается словами “Менин азйде, теа” (Гнев, о богиня, воспой), так и эти каталоги начинаются всегда одинаково: “Асаена, Acantholimon, Acanthus, Achilles, Aconitum, Adenophora, Adonis” и т. д., так что любой садовод отбарабанит вам, как из пулемета), тем не менее он снова внимательно прочитывает их – от Асаен'ы до Уисс'и, в мучительном раздумье, что бы еще заказать.

3. Следующий вестник весны – подснежники: сперва это выглядывающие из-под земли бледно-зеленые острия, которые затем расщепляются на два толстых листка-семядоли, – и готово. Затем, иной раз уже в начале февраля, это превращается в цветок, и уверяю вас: никакая пальма первенства, никакое древо познания, никакие лавры победные не превосходят красотой своей этой хрупкой белой чашечки на бледном стебельке, качающейся на холодном ветру.

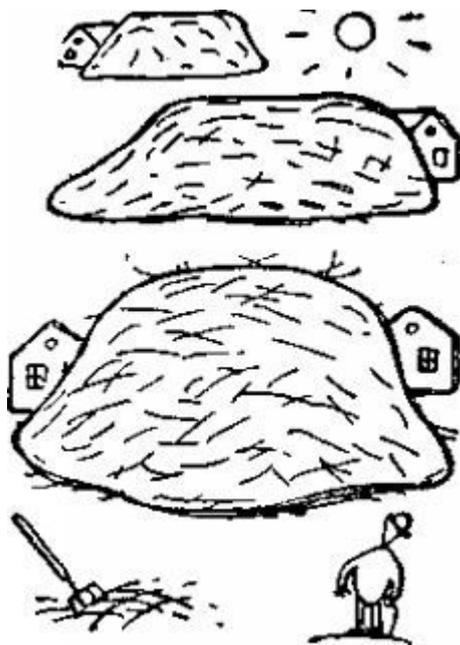
4. Верным признаком весны являются так же соседи. Как только они высыпают на свои участки с заступами и мотыгами, ножницами и лыком, краской для деревьев и всякими порошками для грунта, опытному садоводу сразу понятно: близко весна. Он надевает старые брюки и в свою очередь устремляется в сад с заступом и мотыгой, чтобы его соседи тоже узнали о приближении весны к сообщили эту радостную новость дальше, через забор.

Земля уже раскрывается, но еще не пускает зеленого листка; можно еще брать ее такую, как она есть: голой, полной ожидания. Это еще пора унавоживания и копки, планирования и дренирования, рыхления и внесения смесей. В это время садовод замечает, что почва у него слишком плотная, слишком вязкая или слишком песчаная, слишком кислая или слишком сухая, короче говоря, в нем просыпается страстное желание как-то ее улучшить. Почву можно улучшать тысячью способов; к. несчастью, большинство их недоступно садоводу. В городе не так-то легко иметь у себя дома голубиный помет, прелые листья бука, истлевший коровий навоз, старую штукатурку, старый торф, лежалую дерновину, сухую кротовину, лесной перегной, речной песок, прудовой ил, землю из-под зарослей вереска, древесный уголь, древесную золу, костную муку, роговые опилки, старую навозную жижу, лошадиный помет, известь, торфяной мох, труху от гнилого пня и прочие питательные, разрыхляющие, благотворные вещества, не считая еще доброй тысячи азотистых, магниевых, фосфатных и всяких других удобрений.

Иной садовод готов хранить, перебирать и компостировать все эти облагороженные почвочки, примеси, навозики, да беда в том что у него в саду не останется тогда места для цветов. Так что он улучшает почву, как может: собирает дома яичную скорлупу, жжет кости, остающиеся от обеда, прячет свои состриженные ногти, выметает из печки сажу, выбирает из лохани песок, на улице натывает на палку прекрасное лошадиное яблоко и заботливо зарывает все это в землю у себя в саду; потому что это – субстанции рыхлые, повышающие температуру и утучняющие. Все на свете либо годится для почвы, либо нет. Только малодушный стыд мешает садоводу пойти на улицу собирать оставленное лошадыми; но при виде славной кучки навоза на мостовой он непременно вздохнет по этой божьей благодати.

Представить себе только, какие горы навоза громоздятся на крестьянских дворах!... Я знаю, есть всякие порошки в жестяных банках; ты можешь купить себе каких только вздумаешь солей, экстрактов, шлаков, всякой муки. Можешь прививать почве разные бактерии; можешь обрабатывать ее в белом халате, будто какой-нибудь доцент университета либо фармацевт. Все это ты можешь делать, городской садовод. Но как представишь себе эту такую коричневую гору жирного навоза на крестьянском дворе!...

Однако, к вашему сведению, подснежники уже цветут; цветет и гаммелис желтыми звездочками, и на чемерице набухли бутоны. А если вы всмотритесь как следует (затаив при этом дыхание), так найдете почки и ростки на всем. Тысячекратным тоненьким пульсированием проступает жизнь из земли. Мы, садоводы, уже не пропадем: уже наливаемся новым соком.

Об искусстве садоводства

Пока я был далеким, рассеянным обозревателем готовых результатов садоводства, то есть самих садов, я считал садоводов людьми мягкими, характера поэтического, которые только и делают, что наслаждаются благоуханием цветов и внимают пенью птиц. Теперь, глядя на все это дело с более близкого расстояния, вижу, что настоящий садовод хлопочет не столько о цветах, сколько о почве. Это – существо, зарывшееся в землю и предоставляющее любоваться тем, что над ней, нам – бездельничающим ротозеям. Он так и живет, уйдя в землю. И воздвигнув себе памятник в виде кучи компоста. Попав в райский сад, он понюхал бы, чем там пахнет, и объявил бы:

– Вот это, милые, перегной!

По-моему, он забыл бы даже отведать плод с дерева познания добра и зла: все норовил бы увезти у господ бога тачку райского гумуса. Или заметил бы, что дерево познания добра и зла

плохо скатано и примялся бы устраивать вокруг него правильный земляной вал, даже не подозревая, какие плоды висят у него над головой.

– Адам, где ты? – позвал бы господь.

– Погоди, – ответил бы садовод, не оборачиваясь. – Мне сейчас некогда.

И продолжал бы окапывать дерево. Если бы человек породы садоводов развивался бы с самого начала по законам естественного отбора, он превратился бы в некое беспозвоночное. В самом деле, для чего ему спина? Кажется, только для того, чтобы время от времени расправлять ее со словами:

– Так и ломит проклятую!

Ноги – те складываются на все лады, так что можно сесть на трех точках, встать на колени, тем или иным манером подложить ногу под себя или даже закинуть ее себе за шею. Пальцы – удобные колышки: ими хорошо делать ямки; ладони разминают комья или разбрасывают перегной. А голова нужна, чтоб было к чему подвешивать трубку. Только со спиной ничего не сделаешь: садовник не в состоянии согнуть ее как надо. У земляных червей совсем нет спины. Обычно самая верхняя часть садовника – зад; ноги у него раскорячены, руки растопырены, голова – где-то между колен; он напоминает пасущуюся кобылу. Ему чуждо желание стать хоть на одну пядь выше ростом. Наоборот, он складывается пополам, садится на корточки, старается всячески сокращать свои размеры. Как видите, в таком положении он редко превышает метр в высоту.

Уход за почвой состоит, с одной стороны, во всевозможном рытье, окапывании, переворачивании, приглаживании, выравнивании, а с другой – в добавлении примесей. Ни один пудинг не требует такого сложного приготовления, как почва для сада: насколько мне удалось проследить, тут участвуют навоз, помет, гуано, прелый лист, дерновина, чернозем, песок, солома, известь, томасова мука, детская мука, селитра, роговое вещество, фосфаты, кал, вода крондорфская, зола, торф, компост, обыкновенная вода, пиво, остатки кура из трубок, жженные спички, дохлые кошки и много других веществ. Все это тщательно смешивается, зарывается и присоливается. Как уже сказано, садоводу совсем не до того, чтобы наслаждаться ароматом роз; его неотступно преследует мысль, что этой “земле нужно еще немножко извести” или что она слишком тяжелая (как свинец, по его выражению) и “ей надо побольше песку”. Садоводство стало своего рода наукой. Теперь девушка не должна петь: “У нас под окошком роза цветет”. Ей следует петь о том, что, дескать, у нас под окошком надо насыпать селитры и буковой золы пополам с мелкорубленной соломой. Розы цветут, так сказать, для дилетантов; источник радости садовода расположен глубже – в лоне земном. После смерти садовод превращается не в упивающегося цветочным ароматом мотылька, а в земляного червя, вкушающего темные, азотистые, пряные наслаждения, доставляемые землей.

С наступлением весны садоводами овладевает, можно сказать, неодолимая тяга в сад. Не успели положить ложку на стол, как, глядишь, уже подняли на своих клумбочках зады к лазурному небосклону; тут разомнут пальцами теплый комочек, там пододвинут поближе к корню драгоценный кусок прошлогоднего сухого помета; тут вырвут сорняк, там подымут камешек; сейчас рыхлят землю вокруг клубники, а через минуту преклоняются, чуть не роя землю носом, перед саженцами салата, любовно лаская хрупкий пучок корней. В таком положении они проводят весну, между тем как над их бедрами солнце совершает свой торжественный круговорот, плывут облака, парят птицы небесные. Вот уже лопаются почки черешен, распускаются нежные, милые молодые листья, кричат, как ошалелые, черные дрозды. Тут настоящий садовод разогнет спину, потянется и задумчиво промолвит:

– Осенью унавожу как следует и песочку подсыплю.

Но есть такое мгновение, когда садовод подымается и встает во весь рост: это происходит в предвечерний час, когда он совершает над своим садом обряд поливки. Тут он стоит, прямой, почти величественный, управляя водяной струей, вырывающейся из носика гидранта; вода шумит, рассыпаясь звонким серебристым дождиком; от рыхлой земли подымается влажное благоухание, каждый листок сверкает неистойвой зеленью и сияет так радостно, так аппетитно, словно просит скушать его.

– Ну, теперь в самый раз, – шепчет садовод, блаженно улыбаясь, но имея при этом в виду не покрытую кипенью бутонов черешню и не пурпур крыжовника, а устилающий землю коричневый слой перегноя. И, глядя на закат, с глубоким удовлетворением говорит:

– Нынче я поработал на славу!

МАРТ САДОВОДА

Чтобы изобразить в соответствии с истиной и древними традициями март садовода, следует прежде всего отчетливо различать две вещи: а) что садовод должен и хочет делать и б) что он действительно делает, не имея возможности сделать больше.

а) Чего он страстно и жадно хочет, это ясно само собой: он хочет удалить хвою и открыть клумбы, рыть, унаваживать, дренировать, копать, перекапывать, рыхлить, сгребать, выравнивать, поливать, делать отводки, подрезывать, сажать, пересаживать, подвязывать, опрыскивать, производить подкормку, полоть, подсаживать, сеять, чистить, подстригать, отгонять воробьев и дроздов, принохиваться к земле, выковыривать пальцем ростки сорняков, восхищаться расцветшими под-

снежниками, отирать пот с лица, расправлять поясницу, есть и пить за десятерых, валиться в постель с заступом и вставать с жаворонком, славить солнце и влагу небесную, ощупывать упругие бутоны, наживать первые весенние волдыри и мозоли, вообще жить полной, кипучей весенней садоводческой жизнью.

б) Вместо этого он ругается, что земля – до сих пор еще или опять уже – мерзлая, мечется у себя в доме, как пойманный лев в клетке, если сад снова завалило снегом, сидит с насморком у печки, ходит нехотя к зубному врачу, заседает в суде, принимает у себя в гостях тетю, правнука, чертову бабушку – вообще смотрит, как уплывают дорогие деньки, преследуемый всевозможными невзгодами, ударами судьбы, делами, помехами, которые, будто назло, так и валяются на него не раньше и не позже, а именно в марте. Потому что – имейте в виду: “Март – лучший месяц для подготовки сада к приходу весны”.

Да, только садовод способен понять подлинный смысл таких, ставших шаблонными выражений, как “суровая зима”, “бешеный северный ветер”, “свирепый мороз” и прочие поэтические попреки в этом духе. Он даже сам прибегает к выражениям еще более поэтическим, говоря, что нынче зима сумасшедшая, проклятая, окаянная, чертовская, адская, дьявольская, сатанинская. В отличие от поэтов он не ограничивается облаиванием одного только северного ветра, но распространяет свои выпады и на злостные ветры с востока; и бранит не столько мокрую метелицу, сколько коварную втирушу – сухой мороз. Он склонен к образным выражениям, вроде того что, мол, “зима сопротивляется атакам весны”, и чувствует себя страшно униженным невозможностью оказать какую бы то ни было помощь весне в деле уничтожения ненавистной зимы. Если б можно было пустить в ход против нее мотыгу или заступ, ружье или алебарду, он, подпоясавшись потуже, ринулся бы с победным кличем в бой. Но вместо этого он вынужден каждый вечер ждать у радиоприемника военной сводки государственной службы погоды, ругая на чем свет стоит область высокого давления над Скандинавией или глубокий антициклон над Исландией. Потому что мы-то, садоводы, хорошо знаем, откуда ветер дует.

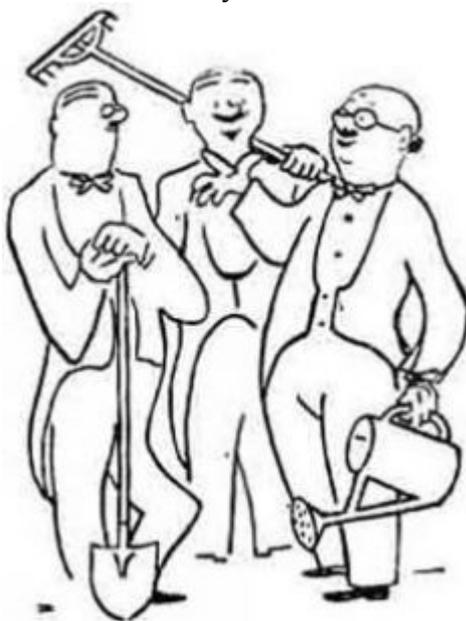
Для нас, садоводов, имеют также большое значение народные прогнозы; мы еще верим, что “святой Матей ломает лед”, а если он медлит, ждем, что это сделает за него небесный ледоруб святой Иосиф. Знаем, что “март пришел – на печь полезай”, и верим в трех ледяных царей, в весеннее равноденствие, в Медардов капюшон и другие такие же приметы, ясно говорящие о том, что люди уже в давние времена имели неприятности с погодой. Нет ничего удивительного в таких выражениях, как “первого мая снег на крыше тает”, что “на святого Непомука отморозишь нос и руки”, “на святого Петра и Павла я вся до костей прозябла”, “на Кирилла-Мефодия не осталось даже разводья”, “на -святого Вацлава одна зима отстала, да на смену другую прислала”. Словом, народные прогнозы сулят нам в большинстве своем скверные, мрачные вещи. Так что имейте в виду: существование садовода, который, наперекор вышеозначенным неприятностям с погодой, из года в год приветствует приход весны и делает ей почин, является ярким доказательством свойственного человеческому роду чудесного, неистощимого оптимизма.

Став садоводом, человек начинает всюду выискивать старожилы. Это люди преклонного возраста, притом – довольно рассеянные, каждую весну утверждающие, что такой весны не запомнят. Если на дворе холодно, они заявляют, что не запомнят такой холодной весны: “Когда-то,

лет шестьдесят тому назад, стояла такая теплынь, что на сретенье фиалки цвели”. Наоборот, если на дворе немножко теплей, старожилы твердят, что не запомнят такой теплой: “Было время, лет шестьдесят тому назад, на святого Иосифа в санях ездили”. Словом, и по свидетельству старожилых выходит, что относительно погоды в нашем климате царит безудержный произвол, и тут решительно ничего не поделаешь. Да, ничего не поделаешь: вот уже середина марта, а замерзший сад еще весь в снегу. Боже, смилуйся над клумбочками садоводов!

Я не открою вам тайны того, как садоводы узнают друг друга: при помощи чутья, какого-нибудь пароля или тайного знака. Но факт тот, что они узнают друг друга при первой же встрече, в театральном ли фойе, за чайным столом или в приемной у зубного врача. Первое, что они произносят, как только откроют рот, относится к обмену впечатлениями о погоде (“Нет, сударь, такой весны я просто не запомню”), после чего переходят к проблеме влаги, к георгинам, к искусственным удобрениям, к некоей голландской лилии (“Черт побери, забыл, как она по-настоящему называется, – да все равно! Я дам вам луковочку”), к клубнике, к американским прейскурантам, к вреду, причиненному нынешними холодами, к щитовке, к астрам и другим таким же темам. На поверхностный взгляд, в коридоре театра стоят три господина в смокингах, но ежели взглянуть глубже, так это, в сущности, три садовода с заступом или лейкой в руках.

Если у вас остановились часы, вы их разберете, а потом отнесете к часовщику; если у кого-нибудь заглохнет мотор автомобиля, владелец откинёт капот и полезет туда руками, после чего позовет механика. Со всем на свете можно справиться, все можно починить, отремонтировать, но против погоды предпринять абсолютно ничего невозможно. Тут не помогут ни усердие, ни самоуверенность, ни изобретательность, ни нахальство, ни ругань. Бутон раскроется, и шипок пока-

жется, когда пробьет его час. И ты со смирением познаешь бессилие человека; поймешь, что терпение – источник мудрости... Тут больше ничего не сделаешь.

Почки

Нынче, 30 марта, в десять часов утра, у меня за спиной распустился первый цветок форзиции. Три дня следил я за самым крупным бутоном, похожим на маленький золотой стручок, боясь пропустить это историческое событие. А произошло оно в тот момент, когда я взглянул на небо – не пойдет ли дождь? Завтра прутья форзиции будут осыпаны золотыми звездами. За этим дело не станет. Больше всех, конечно, торопится сирень; я оглянуться не успел, как она уже пустила узенькие хрупкие листочки; за сиренью не уследишь, мой милый! И *ribes aureum* (золотистая смородина) развернула уже свои рубчатые и сборчатые кружевные воротнички. Но остальные кустарники и деревца ждут еще некоей команды “пора!”, которая должна прозвучать не то с земли, не то с неба. В это мгновение раскроются все почки – и поехало!

Образование почек относится к числу тех явлений, которые мы, люди, называем “процессами природы”; но образование почек – в полном смысле слова процесс, так как похож на торжественную процессию. Вот, например, тление – тоже естественный процесс, а оно несколько не похоже на церемониальный марш; я не хотел бы сочинять какой-нибудь “*tempo di marcia*” (марш) к процессу тления. Но, будь я композитор, я сочинил бы музыку на тему: “Процессия почек”. Сперва прозвучал бы легкий марш сиреневых батальонов; потом в процессию вступили бы отряды красной смородины; потом послышалась бы тяжкая поступь грушевых и яблоневых почек, сопровождаемая многострунным бряцанием и звоном молодой травы. И под этот оркестровый аккомпанемент промаршировали бы полки строго дисциплинированных бутонов, стремящихся неуклонно вперед – “стройными рядами”, как говорят о военных парадах. Раз, два, раз, два. Господи, какое великолепие!

Считается, что весной вся природа зеленеет; это не совсем верно, так как она в то же время и краснеет благодаря коричневым и розовым почкам. Бывают почки темно-пурпурные и рдеющие, будто с мороза; бурые и липкие, как смола; беловатые, как шерсть на брюхе у зайчихи; бывают и фиолетовые, и светлые, и темные, как старая кожа. Из некоторых высовывается зубчатая бахромка, другие похожи на пальцы или языки, третьи – на бородавки. Одни разбухли, подернутые пушком, мясистые и плотные, как щенята; другие сжаты в узкий, тугий торчок; третьи раскрываются в виде пучка ошестиненных хрупких хвостиков. Говорю вам: почки не менее удивительны и разнообразны, чем листья или цветы. Человек никогда не исчерпает возможность открывать все новые и новые различия. Но, чтобы обнаружить их, надо выбрать маленький участок земли. Если бы я дошел пешком до самого Бенешова, я меньше узнал бы весну, чем сидя на корточках в саду. Нужно остановиться, и тогда увидишь открытые рты и взгляды, кидаемые украдкой, нежные пальцы и поднятое вверх оружие, младенческую хрупкость и мятежный порыв воли к жизни; и тогда уловишь чуть слышную поступь бесконечной процессии почек...

Так. Видимо, пока я это писал, таинственное “пора!” было произнесено: почки, еще утром повитые тугими свивальниками, теперь высунули хрупкие острия листочков, прутья форситии засияли золотыми звездами, налитые бутоны грушевого дерева приотворились, а на торчках не знаю каких там пупырышков загорелись золотисто-зеленые глаза. Из смолистых чешуи проглянула молодая зелень, толстые почки лопнули, и из них пробилась филигрань зубчиков и сборочек. Не робей, румяный листочек; раскройся, сложенный веером; потянись, пушистый соня. Уже дан приказ: в путь! Раздайтесь, фанфары ненаписанного марша! Заблестайте на солнце, золотые трубы, загремите, бубны, засвистите, флейты, пролейте ливень свой, бесчисленные скрипки. Тихий, коричневый и зеленый сад двинулся победным маршем вперед.

АПРЕЛЬ САДОВОДА

Апрель – вот подлинный, благодатный месяц садовода. Пускай, влюбленные помалкивают насчет своего пресловутого мая. В мае деревья и цветы просто цветут, а в апреле они распускаются. Знайте: это прораствание, этот расцвет, эти почки, ростки и побеги – величайшее чудо природы, – и больше о них ни слова; сядьте сами на корточки, сами поройтесь пальцем в рыхлой земле – затаив дыхание, потому что палец ваш коснется хрупкого и налитого ростка. Этого нельзя опи-

сать, так же как нельзя описать словами поцелуя и некоторых других, хоть и немногих, вещей.

Но раз уж мы заговорили об этом хрупком ростке, то тут, – каким образом, этого никто не знает, – довольно часто происходит следующее: стоит вам шагнуть на клумбу, чтобы снять с нее сухую веточку или вырвать подлый одуванчик, вы почти всегда наступите на подземный росток лилии либо купальницы; он хрустнет у вас под ногой, и вы замрете в ужасе и отчаянии; в эту минуту вы считаете себя каким-то чудовищем, которое все вытаптывает своими копытами. Или, со всяческими предосторожностями разрыхляя почву клумбы, обязательно рассечете мотыжкой проросшую луковку либо срежете заступом под самый корень росток анемона и, попятившись в испуге, расплющите каблуком зацветшую маленькую примулу или обломите молодой хвост дельфиниума. Чем с большей осторожностью вы действуете, тем больше наделаете вреда; только многолетняя практика научит вас мистической и суровой уверенности подлинного садовода, который шагает куда попало, но ничего не раздавит. А если и раздавит – не приходит в ужас. Но это я – так, мимоходом.

Помимо прорастания, апрель – также месяц посадок. С восторгом, да, с диким восторгом и нетерпением заказали вы садовникам саженцы, без которых вам жизнь не мила; обещали всем своим приятелям-садоводам, что придете к ним за отводками; потому что вам всегда мало того, что есть. И вот в один прекрасный день у вас в доме собралось каких-нибудь сто семьдесят саженцев, жаждущих посадки. Тут вы окидываете взглядом свой сад и с удручающей ясностью убеждаетесь в том, что сажать некуда. Таким образом, садовод в апреле – это человек, двадцать раз оббегающий сад свой с вянущим саженцем в руке, отыскивая хоть пядь земли, где еще ничего не растет.

– Нет, сюда нельзя, – ворчит он себе под нос. – Тут у меня эти проклятые хризантемы. А здесь его задушит флокс. А там – смолка, черт бы ее побрал! Гм, тут расплозились колокольчики. И возле той лесенки тоже нет места. Куда же его девать? Стой, вот сюда!... Нет, тут уже борец. Может, сюда? Тут лапчатка. Хорошо бы сюда, да тут полно традесканции. А там? Хотел бы я знать, что у меня там посажено? Ага, тут вот есть еще местечко. погоди, мой маленький, сейчас я тебя устрою. Ну, вот. Расти себе с богом.

Но через два дня садовод обнаруживает, что посадил своего нового питомца прямо посреди

раскрывшихся алых бутонов.

Человек породы садоводов выведен искусственно, а вовсе не является результатом естественного развития. Если бы он был продуктом природы, то выглядел бы иначе: у него были бы ноги, как у жука, чтобы ему не садиться на корточки, и крылья, чтоб он мог парить над своими грядками. Кто с этим не сталкивался, тот никогда не поймет, как мешают ноги, когда их не на что поставить; до чего они непомерно длинны, если их нужно поджать под себя, чтобы поковырять пальцем в земле; и до чего невозможно коротки, если нужно перешагнуть на другую сторону клумбы, не наступив на подушку ромашек или распустившихся орликов. Хорошо бы подвеситься на чем-нибудь и качаться себе над своими посадками; или иметь по крайней мере четыре руки, плюс голову в фуражке, и ровно ничего больше; а то еще – чтобы наши руки и ноги могли выдвигаться, как штатив у фотоаппарата. Но, поскольку физическая организация садовода внешне ничем не отличается от несовершенной организации остальных смертных, ему остается только как можно искусней балансировать, стоя на цыпочках, на одной ноге, взлетать в воздух, подобно балерине императорских театров, раскорячиваться на четыре метра вширь, ступать легко, как бабочка или трясогузка, уместиться на одном квадратном дюйме, сохранять равновесие вопреки всем законам о наклонных телах, всюду доставать, от всего уклоняться, да еще при всем том по возможности соблюдать полное достоинство, чтобы над ним не смеялись.

Впрочем, при беглом взгляде на садовода издали, вы не увидите ничего, кроме его зада: все остальное, как то голова, руки и ноги, находится попросту под последним.

– Благодарю за внимание; да, всего пропасть: нарциссы, гиацинты и тацеты, *viola cornuta* и пупавник, камнеломка, драба, и арабис, и гутчинсия, и белая буквица, и весенний вереск. А сколько еще расцветет завтра или послезавтра – вот посмотрите!

Смотреть, понятное дело, может каждый.

– Ах, какой хорошенький лиловый цветочек! – воскликнет какой-нибудь непосвященный, на что садовод с некоторой обидой возразит: – Это – *Petrocallis rugenaica*! Потому что садовод поме-

шан на названиях; цветок без названия – это, выражаясь языком Платона, цветок без метафизической идеи; он просто лишен истинной, полноценной реальности. Безымянный цветок – сорняк; цветок с латинским названием находится уже на некоем профессиональном уровне. Скажем, выросла у вас на клумбе крапива; вы взяли и прикрепили табличку с надписью: “*Urtica dioica*” и невольно стали относиться к ней с уважением: даже землю ей рыхлите и удобряете чилийской селитрой.

Беседуя с садоводом, обязательно спросите его:

– Как называется эта роза?

– Это “Бурмистер ван Толле”, – польщенный, ответит он. – А вон там – “Мадам Клер Мордье”.

И подумает о вас ласково: “Какой учтивый, благовоспитанный человек”. Но сами остерегайтесь прибегать к названиям. Но говорите, например: “Какой у вас там расцвел от-личный *Agabis*”, а то как бы садовод не обозлился и не загремел: “Что вы! Да ведь это Шиверекия Борнмюллери!!!” В сущности, это одно и то же, разницы никакой, но – название есть название. А мы, садоводы, дорожим хорошим названием. По той же причине мы терпеть не можем детей и дроздов: они вытаскивают из земли и перепутывают таблички; и бывает, что мы говорим с удивлением:

– Поглядите, этот раkitник цветет совсем как бессмертник... Видимо, местная разновидность. А ведь определенно – раkitник: вот моя собственная табличка!

Праздник

...По я сознательно буду воспевать не праздник труда, а праздник частной собственности; и если не пойдет дождь, отпраздную его, сидя на корточках и приговаривая:

– Дай, я тебе подсыплю немножко торфу, а вот этот отросток обрежу... Хочешь поглубже в почву, а?

И торица ответит: да, ей хотелось бы. И я посажу ее поглубже. Потому что это моя земля, орошенная потом и кровью; притом в буквальном смысле слова: ведь, подрезая веточку либо какой-нибудь отросток, почти всегда обрежешь себе палец, который тоже – не что иное, как веточка или отросток. Имея сад, неизбежно становишься частным собственником: если у тебя выросла роза, так это не просто роза, а – твоя роза. Видишь и отмечаешь не расцвет черешен, а расцвет твоих черешен. У человека, ставшего собственником, появляются конкретные точки соприкосновения с ближними, – например, в связи с погодой; он говорит: “лучше бы у нас не было дождя” или “славно нас смочило”. Кроме того, у него появляются столь же определенные отталкивания; он отмечает, что у соседа деревца-то – все больше хворост да метелки, не как у него, или что вон та айва лучше принялась бы в его собственном саду, чем в соседском, и т. д. Таким образом, не может быть спора о том, что частная собственность вызывает определенные классовые и коллективные интересы, – например, в отношении к погоде; но бесспорно также и то, что она пробуждает страшно сильные эгоистические, предпринимательские, частнособственнические инстинкты. Несомненно, человек пойдет в бой за свою правду, но еще охотней и отчаянней кинется он в бой за свой сад. Владея земельным участком в несколько сажен и что-то на нем выращивая, действительно становишься существом в какой-то мере консервативным, ибо подчиняешься тысячелетним законам природы; как-никак, ни одна революция не приблизит пору вегетации и не заставит сирень распуститься раньше мая; это учит человека мудрости и покорности законам и обычаям.

А тебе, альпийский колокольчик, я выкопаю ямку поглубже. Труд! Да, это копанье в земле – тоже труд, потому что, как я уже сказал, от него здорово болят спина и колени. Но дело не в труде, а в колокольчике: ты это делаешь не потому, что труд прекрасен, что он облагораживает или полезен для здоровья, а для того, чтобы колокольчик цвел и камнеломка разрослась подушкой. Если уж что славословить, так не свой труд, а колокольчик или камнеломку, ради которых ты все это делаешь. И если бы вместо того чтобы писать статьи и книги, ты встал к ткацкому или токарному станку, то и тут трудился бы не ради труда, а ради того, чтобы получить за это ветчину с горошком, или потому, что у тебя куча детей и ты хочешь прокормиться. Так что тебе надлежало бы славить ветчину с горошком, детей и жизнь, – все, что ты покупаешь ценой своего труда и за что платишь трудом. Или же надо славить то, что своим трудом создаешь. Дорожные рабочие должны славить не столько свой труд, сколько шоссе и дороги, ими проведенные; текстильщики на празднике труда должны славить главным образом километры тика и канифаса, которые им уда-

лось вымотать из машин. Говорят “праздник труда”, а не “праздник выработки”, но ведь следовало бы гордиться скорее своей выработкой, нежели тем, что ты вообще работал.

Я спросил у одного человека, который побывал у покойного Толстого, какие получились сапоги, которые Толстой сам себе шил. Оказывается, очень плохие. Если человек что-нибудь работает, так он должен делать это либо для собственного удовольствия, либо оттого, что умеет делать именно это дело, либо, наконец, ради куска хлеба; но шить сапоги из принципа, работать из принципа и из моральных соображений, значит попросту портить материал. Я хотел бы, чтобы на празднике труда превозносились и возвеличивались человеческие способности и сноровка тех, кто умеет по-настоящему браться за дело. Если бы мы сегодня чествовали искусников и умельцев всей земли, этот день прошел бы особенно весело; это был бы настоящий праздник, день торжества жизни, день, когда все молодцы-ребята – именинники.

Ладно. Но теперешний праздник труда – день важный и строгий. Однако ты не обращай на это внимания, маленький цветочек весеннего флокса, – раскрывай первую свою розовую чашечку!

МАЙ САДОВОДА

Ну вот, мы так захлопотались с копкой и рыхлением, высаживанием и подстрижкой, что до сих пор все никак не доберемся до предмета, составляющего величайшую радость и тайную гордость садовода: до его горки, или альпинума. Альпинумом эта часть сада называется, видимо, потому, что дает возможность своему владельцу совершать головокружительные альпинистические трюки: задумает ли он, к примеру, высадить вот тут, между двумя камнями, крохотную андросацию, ему приходится легонько встать одной ногой на тот чуть-чуть шатающийся камень и, подняв другую, изящно балансировать ею в воздухе, чтобы не раздавить подушечку эризимуса, либо цветущей торицы; он вынужден прибегать к самым смелым разножкам, приседаниям, оборотам, прогибам, стойкам, скокам, выпадам, предклонам, захватам и прочим гимнастическим упражнениям, чтобы сажать, рыхлить, копать и полоть среди живописно скомбинированных, но не слишком надежно пригнанных камней своей горки.

Уход за горкой является, таким образом, захватывающим и благородным видом спорта. Но, помимо того, он заставляет вас пережить тысячу волнующих неожиданностей, когда, скажем, вы на головокружительной высоте одного локтя обнаружите среди камней цветущий кустик белого бессмертника, ледовой гвоздики или других, так сказать, деток высокогорной флоры. Да, что говорить: кто не выращивал всех этих миниатюрных колокольчиков, камнеломок, липиц, вероник, песчанок, драб, иберисов, и ториц, и барвинков (и дриадов, и эридимумов, и бессмертников), и лаванды, и лапчатки, и анемонов, и ромашек (и шатра, и эдраянтуса, и всяких богородицыных травок, и ириса пумилы, и олимпийского зверобоя, и оранжевой ястребинки, и девятильника, и горечавки, и роговика, и травнички, и линариев) (не забывая также альпийской астры, ползучей полыни, эринуса, молочая, и мыльнянки, и эродиума, и гутчинсии, и пароникии, и денежника, и этионемы, а равно антирринумов, антеннарий и бесчисленного количества других прекрасных цветов, как, например, петрокалис, литоспермум, астрагал, и прочих, не менее важных, таких как

первоцвет, горные фиалки и т. д.), – кто не выращивал, говорю я, всех этих цветочков, не считая многих других (упомяну хотя бы оному, ацену, герань, багию, и сагину, и херлерию), тот пусть лучше не говорит о красоте мира: он не видел самого прелестного, что эта суровая земля создала в минуту разнеженности (длившуюся всего каких-нибудь несколько сот тысяч лет). Если бы вы увидели такую славную подушечку диантуса *Musalae*, усеянную самыми розовыми цветочками, какие когда-либо...

Да разве объяснишь? Только тому, кто ухаживает за альпинумом, ведомы эти наслаждения, доступные одним посвященным. Дело в том, что владелец альпинума – это не просто садовод, это коллекционер, что ставит его в один ряд с самыми безнадежными маньяками. Скажите ему, что у вас принялась, допустим, кампанула Мореттиана; вооруженный до зубов, он залезет к вам ночью, чтобы украсть ее, готовый ради этого на смертоубийство, потому что без нее ему жизнь не мила. Если робость или тучность не позволят ему пойти на воровство, он начнет приставать, выклянчивая у вас со слезами хоть малюсенький отводок. Вот вам за то, что вы перед ним хвастали и кичились своими сокровищами!

Или найдет вдруг в питомнике растение без названия, с каким-то зеленоватым торчком.

– Что это у вас тут? – встрепетается он.

– Это? – нерешительно ответит хозяин питомника – Колокольчик какой-то... Сам не знаю, что такое...

– Дайте мне, – произносит маньяк с притворным равнодушием.

– Нет, – отвечает хозяин питомника. – Это не продается.

– Ну послушайте, – умоляюще настаивает маньяк. – Я ведь такой давнишний ваш покупатель... Неужели вам жалко?

В результате продолжительных уговоров, бесконечных уходов и возвращений к загадочному безымянному созданию, ясно дав понять, что без него он вообще не уйдет, хоть пришлось бы топтаться вокруг девять недель, применив все коллекционерские подходы и наскоки, владелец альпинума в конце концов уносит таинственный колокольчик домой, выбирает для него самое

лучшее местечко на своей горке, с бесконечной нежностью сажает его туда и каждый день ходит поливать и опрыскивать – со всею тщательностью, которой эта драгоценность заслуживает. И колокольчик в самом деле растет не по дням, а по часам.

– Посмотрите, – говорит гордый его обладатель своим гостям, – вот особенный вид колокольчика. Никто еще не сумел его определить. Интересно, какие он даст цветы.

– Это колокольчик? – переспрашивает гость. – Листья у него скорей, как у хрена.

– Какой хрен! – возражает владелец. – У хрена листья гораздо больше и не такие блестящие. Это безусловно колокольчик... Но, кажется, *species nova* (новый вид (лат.)), – скромно добавляет он.

Благодаря обильному поливанию означенный колокольчик растет с ужасающей быстротой.

– Поглядите, – говорит его обладатель. – Вот вы говорили, что у него листья, как у хрена. Но разве вы видели хрен с такими огромными листьями? Это, милый, какая-то *campanula gigantea* (гигантский колокольчик (лат.)) у нее будут цветы с тарелку.

И вот этот единственный в своем роде колокольчик выбрасывает покрытый цветами стебелек... Да, это всего-навсего хрен. Черт его знает, как он попал в питомник.

– Послушайте, – осведомляется гость через некоторое время. – Где у вас этот огромный колокольчик? Как он? Еще не цветет?

– Увы! Он погиб. Знаете, эти редкие сорта так прихотливы. Это был какой-то гибрид.

Вообще с покупкой посадочного материала – сущее наказание. В марте владелец питомника вашего заказа обычно не выполняет из-за того, что еще холодно и культуры не высажены; в апреле тоже не выполняет, так как у него слишком много заказов, а в мае – потому, что почти все уже продано. Белой буквицы больше нет; возьмите вместо нее дягиль: у него тоже цветы желтые.

Но бывает и так, что почта вдруг доставит вам корзину с заказанными культурами – ура! А мне как раз требуется на куртину что-нибудь повыше – между омегой и острожей. Посажу-ка туда диктамнус – ну да, который еще называется диптаном, или глистным корнем. Присланный саженец, правда, какой-то крохотный, но ничего, вырастет – не успеешь оглянуться!

Проходит месяц – саженец не хочет расти; так, что-то вроде низенькой травки: не будь это диктамнус, можно подумать – диантус. Нужно его как следует поливать, чтоб лучше рос. И цветы какие-то розовые...

– Посмотрите, – говорит садовод опытному человеку, пришедшему к нему в гости. – Какой низкий диктамнус.

– Вы хотите сказать – диантус, – поправляет гость.

– Ну да, диантус, – подхватывает хозяин. – Я оговорился. Мне подумалось, что между этими двумя высокими многолетниками лучше было бы посадить диктамнус. Как по-вашему?...

В любом пособии по садоводству сказано, что “выращивать культуры лучше всего из семян”. Но ни одно из них не говорит о том, что в отношении семян у природы есть свои правила. Например, существует закон, по которому у вас либо ни одно семя не прорастет, либо прорастут сразу все. Человек говорит себе:

– Хорошо бы посадить что-нибудь декоративное колючее, – скажем, цирзиум или остропестр.

199

И покупает по мешочку семян того и другого, высевает их и любуется дружными всходами. Приходят время их рассадить, и садовод радуется, что у него сто шестьдесят горшочков с буйными ростками. “Самое лучшее дело – из семян выводить”, – думает он,

И вот уже пора высаживать в грунт. Но куда их девать – целых сто шестьдесят колючих саженцев? Каждый свободный клочок земли уже утыкан ими, и все-таки остается сто тридцать с лишним. Неужто после стольких трудов – в мусорную яму кидать?

– Не надо ли вам саженчиков цирзиумов, сосед? Они ведь такие декоративные.

– Что ж, пожалуй.

Слава богу, сосед взял тридцать штук и начинает метаться с ними по саду, – не зная, куда вонкнуть. Есть еще сосед по другую руку и напротив...

Да поможет им бог, когда у них вырастут этикие двухметровые декоративные колючки!

Благодатный дождь

Почти в каждом из нас таится некая наследственная частица сельского хозяина, – пусть даже на окне нашем не растет ни пеларгонии, ни морского лука; если целую неделю светило солнце, мы уже начинаем озабоченно поглядывать на небо и при встрече вести такие разговоры:

– Пора бы быть дождю, – говорит один горожанин.

– Пора бы, – отвечает другой. – На днях я был на Летне. Там такая сушь, что земля трескается.

– А я на днях ездил по железной дороге в Колин, – продолжает первый. – Страшно сухо.

– Нужен хороший дождь, – вздыхает второй.

– Чтоб хоть три дня лил, – подтверждает первый.

Но солнце палит, и Прага мало-помалу пропитывается жарким запахом пота, в трамваях уныло преют человечьи тела, все раздражены друг на друга, во всем разлад.

– Наверно, будет дождь, – говорит одно взмокшее существо.

– Хорошо бы, – вздыхает другое.

– Хоть бы недельку на травку полило и вообще, – продолжает первое.

– Ужасно сухо, – подтверждает второе.

Между тем начинает парить, в воздухе нависла гнетущая тяжесть, по небу перекатываются громовые раскаты, не принося облегчения ни земле, ни людям. Но вот опять на горизонте прокатился гром, пахнуло влажным ветром и – началось: жгуты дождя упали на мостовую, земля почти внятно для слуха вздохнула, вода бурлит, журчит, плещет, звонко стучит в окна, барабанит тысячу пальцев по желобам, бежит в канавах, звенит в лужах, и тебе хочется кричать от радости, высунуть голову в окно, чтоб охладить ее влагой небесной, хочется свистеть, орать, встать босыми ногами в стремящиеся по улицам желтые ручьи. Благодатный дождь, прохладная ласка воды! Об-

дай мою душу, омой мое сердце, сверкающая студеной роса! Я был злым от жары, злым и ленивым; был ленивым и тяжелым, тупым, грубым, эгоистичным; высох от зноя и внутренне задыхался от неподвижности и отвращения. Звените, серебристые поцелуи, которыми жаждающая земля отвечает на удары капель. Шумите, летучие водяные вихри, смывая все. Ни одно из чудес солнца не сравнится с чудом благодатного дождя. Беги по канавам в землю, мутная водица. Напой и смягчи жаждающую материю, у которой мы в плену. Все вздохнули с облегчением: трава, я, земля – мы все. Так нам хорошо!

Шумный ливень перестал, будто по команде. Земля засияла серебристыми испарениями, в кустах запел дрозд: заливаются как сумасшедший. Нам тоже хочется петь, но пока что мы выходим без шляпы на улицу – подышать свежей искрящейся влагой воздуха и земли.

– Славно sprыснуло, – говорим мы.

– Славно, да мало. Надо бы еще.

– Надо бы, – отвечаем мы. – Но и это была благодать.

Через полчаса – опять дождь; падает длинными тонкими нитями. Настоящий, тихий, добрый дождь. Беззвучный, широкий, урожайный. Уже не стремительный, хлещущий ливень, а чуть шелестящий, воздушный мирный дождик. Из твоих капель, тихая роса, ни одна не пропадет зря. Но тучи разошлись, и тонких нитей коснулись лучи солнца; нити разрываются, дождь проходит, и земля дышит теплой влагой.

– Вот это был настоящий майский дождь, – восторгаемся мы. – Теперь зелень славно распухает.

– Еще чуть-чуть попрыскало бы – и довольно...

Солнце совсем овладело землей; от мокрой почвы поднимаются знойные пары; тяжело дышать; душно, как в парнике. В одном углу небосклона снова темнеет, зной сильнее, несколько тяжелых капель падает на землю, и откуда-то с другой стороны повеял ветер, напоенный дождевым холодком. В проволглом воздухе размаривает, как в горячей ванне. Вдыхаешь капли воды, шлепаешь по лужам, смотришь, как па небе собираются белые и серые клубы паров. Словно весь мир хочет тепло и мягко растаять в майском дожде.

– Надо бы еще дождичка, – говорим мы.

ИЮНЬ САДОВОДА

Июнь – главная пора сенокоса. Но, поскольку речь идет о нас, городских садоводах, пожалуйста, не воображайте, что мы в одно росистое утро, наклепав косу и расстегнувши на груди рубаху, пошли косить могучими свистящими взмахами искристую траву, распевая при этом народные песни. У нас это выглядит не совсем так. Прежде всего мы, садоводы, желаем иметь английский газон, зеленый, как бильярд, и густой, будто плотный ковер, газон безупречный, ничем не запятанный, дерн мягкий, как бархат, лужок ровный, как стол. И вот еще весной мы замечаем, что этот английский газон состоит весь из каких-то лысин, одуванчиков, головок клевера, глины, мха да нескольких сухих, пожелтелых кустиков травы. Сначала надо это выполоть; мы садимся на корточки и выдергиваем весь негодный сорняк, оставляя за спиной землю, пустую, вытопанную и до того голую, словно на ней плясали каменщики или целое стадо зебр. Потом заливаем все это водой и предоставляем ему трескаться на солнце; а затем решаем, что надо бы все-таки выкосить.

Неопытный садовод, приняв такое решение, отправляется на ближайшую окраину, и на обшипанной, голой меже находит гам старуху с тощей козой, объедающей куст боярышника или сетку вокруг теннисной площадки.

– Бабушка, – приветливо говорит садовод, – не надо ли вам отличной травки для вашей козочки? У меня можно накосить сколько угодно.

– А сколько заплатите? – спрашивает старушка после некоторого раздумья.

– Двадцать крон, – отвечает садовод и возвращается домой – ждать старушку с козой и серпом. Но старушка не приходит.

Тогда садовод покупает серп, брусок и объявляет, что больше не станет никого просить, а сожнет всю траву сам. Но то ли серп слишком тупой, то ли трава в городе слишком жесткая, то ли еще что – только серп ее не берет. Приходится взять каждую травинку за кончик и, потянув изо всех сил, полоснуть внизу серпом, причем по большей части вырываешь ее с корешком. С помощью обыкновенных ножниц дело идет гораздо быстрее. Когда садовод, наконец, по мере сил выстриг, обкарнал и выщипал место, предназначенное для газона, у него набралась небольшая копенка сена. И вот он опять идет искать старушку с козой.

– Бабушка, – говорит он медовым голосом, – не возьмете ли вы у меня корзину сена для вашей козочки? Сено хорошее, чистое...

– А сколько вы мне заплатите? – спрашивает старушка после долгого размышления,

– Десять крон, – объявляет садовод и бежит домой – ждать, когда старушка придет за сеном. Просто жалко ведь выбрасывать такое прекрасное сено!

В конце концов сено соглашается вывезти мусорщик, но требует за это крону.

– Понимаете, хозяин: не имеем мы права такие вещи на телегу брать...

Более опытный садовод сразу покупает себе косилку. Это такая штука на колесиках, тарактит, как пулемет, и когда водишь ею по траве, стебелечки так и летят. Доложу вам: ну, просто одно удовольствие. Стоит такой машинке появиться в доме, как все члены семьи – от деда до внука – начинают спорить, кому косить. Ведь как славно! Знай себе стрекочет да режет буйную траву...

- Погодите, – говорит садовод, – я вам покажу, как это делается.
- И давай возить ею по газону с торжественным видом механика и пахаря – одновременно.
- Дай теперь мне, – пристает другой член семьи.

- Еще разок пройду, – отстает свои права садовод и двигается дальше, стрекочет и ко-сит так, что трава летит во все стороны.

- Это – первый, торжественный сенокос!
- Послушай, – говорит через некоторое время садовод другому члену семьи. – Ты не хочешь взять машинку и немножко покосить? Очень приятная работа.
- Я знаю, – отвечает тот без энтузиазма. – Да мне сегодня некогда.

Как известно, пора сенокоса – период гроз. Вот уже несколько дней, как многие признаки на небе и на земле говорят о надвигающейся грозе! Жара нестерпимая, какая-то яростная, земля трескается, собаки пахнут псиной; хозяин озабоченно поглядывает на небо и думает: “Пора бы дождю!” После этого появляются так называемые зловещие тучи, и бешеный вихрь, поднявшись, гонит перед собой пыль, шляпы, сорванные листья. Тут садовод с развевающимися волосами кидается в сад – не для того, чтобы, подобно романтическому поэту, вступить в единоборство со стихиями, а для того, чтобы привязать все, что треплет ветер, убрать инструменты, стулья и вообще принять меры предосторожности против стихийного бедствия. Пока он безуспешно пытается подвязать стебли дельфиниума, падают первые крупные жаркие капли, на минуту спирает дыхание и – трах! Вслед за ударом грома хлынул проливень. Садовод бежит к дому и, остановившись на крыльце, с огорчением наблюдает, как мечется сад под ударами вихря и дождя. И в самую страшную минуту кидается, как герой, спасающий тонущего ребенка, – подвязать надломленную лилию. Господи, сколько воды! А тут еще зашуршали градины: прыгают по земле, уносятся мутными водяными потоками. И в сердце садовода тревога о клумбах вступает в борьбу с тем тайным восторгом, который вызывают в нас великие стихийные явления. Но вот гром становится глуше, бурный ливень сменяется холодным дождем, который тоже постепенно редет. Садовод выбегает в прохладный сад, с отчаянием смотрит на занесенный песком газон, на поломанные ирисы и смятые куртины и, услышав первый свист дрозда, кричит через забор соседу:

– Хелло! Как жалко, что дождь перестал. Деревьям этого мало.

На другой день газеты сообщают о катастрофической грозе, нанесшей страшный вред посевам, но ничего не пишут об ущербе, причиненном, в частности, лилиям, или о том, что *Ranunculus acris* особенно пострадал. Нас, садоводов, всегда затирают. Если б от этого был какой-нибудь прок, садовод ежедневно молился бы, став на колени:

“Господи боже, сделай так, чтобы каждую ночь – примерно с полуночи до трех часов утра – шел дождь, но только, знаешь, тихий, теплый, чтобы влага хорошо впитывалась. Но да не падает он на смолку, торицы, девятильник, лаванду и прочие, которые тебе в твоей бесконечной премудрости известны, как растения сухолюбивые... если нужно, могу составить списочек. И да светит солнце целый день, но не на все, например, не на таволгу или, скажем, на горечавку, богучку и рододендрон, – и не слишком сильно. И да будет вдоволь росы и мало ветру, много дождевых червей, а тлей и улиток да не будет совсем, так же, как росы мучнистой. И да прольется раз в неделю с небес разбавленная навозная жижа и просыпется помет голубиный. Аминь”.

Ибо знайте: именно так было в райском саду. Иначе там ничего бы не выросло, что вы!

Но раз я уж заговорил о тлях, прибавлю, что именно в июне их и надо истреблять. Для этого существуют разные порошки, препараты, настойки, экстракты, отвары и окуливания, мышьяк, табак, деготь и другие яды, которые садовод испытывает поочередно, как только заметит, что на его розочках не на шутку расплодился жирные зеленые тли. Если вы будете применять эти средства с надлежащей осторожностью и в соответствующих количествах, то увидите, что ваши розы от этой травли не пострадают, разве что вы нечаянно сожжете листок или бутон. Что же касается

тлей, то они во время этой операции прямо благоденствуют, густо покрывая, словно бисером, все веточки роз. Тогда можно с громкими криками отвращения давить их на ветках одну за другой. Вот каким способом истребляют тлей. Но от садовода долго еще после этого разит табачным настоем и дегтем.

Об огородниках

Конечно, найдутся люди, которые, читая эти поучительные заметки, раздраженно скажут:

– Что же это такое! Он распространяется о каждом несъедобном кустике, а ни словом не обмолвится ни о моркови, огурцах, кольраби, ни о брауншвейгской или цветной капусте, ни о луке репчатом и порее, ни о редисе или хоть сельдерее, зеленом луке и петрушке, не говоря уже о славной кочанной капусте. Какой же он садовод, если из высокомерия или по невежеству обходит молчанием самое замечательное, что только можно вырастить, – например, вот такую чудесную грядку салата?

На этот упрек отвечаю, что на одном из многочисленных этапов своего жизненного пути я тоже завел несколько грядок моркови, капусты, салата и кольраби; сделал я это, в сущности, под влиянием романтических побуждений, желая испытать иллюзию фермерской жизни. Вскоре обнаружилось, что я обязан каждый день съесть по сто двадцать редисок, так как больше никто в доме их есть не хотел. Через неделю я утопал в капусте, а затем наступила оргия кольраби, твердой, как дерево. Бывали такие недели, когда я вынужден был по три раза в день жевать салат, только чтоб его не выбрасывать. Я ни в какой мере не хочу портить удовольствие огородникам; но пускай они сами едят то, что наплодили. Если б меня заставили пожирать свои розы или закусывать ландышами, то я, наверно, потерял бы к ним подлинное уважение. Козел может стать садоводом, но садоводу трудно стать козлом, чтобы общипывать свой сад.

К тому же у нас, садоводов, и без того много врагов: воробьи и дрозды, дети, улитки, ухвертки и тли. Спрашивается, с какой стати затевать нам еще войну с гусеницами? Или натравливать на себя бабочек боярышниц?

Каждый обыватель хоть раз в жизни мечтает о том, что он сделал бы, если бы стал на один день повелителем. Что касается меня, я наладил бы, организовал и отменил за один день тысячу вещей. В частности, издал бы, так сказать, Малиновый Эдикт. Это был бы запрет всем садоводам, под угрозой отсечения правой руки, сажать малину возле изгородей. Ну скажите пожалуйста, почему ваш сосед должен мириться с тем, что посреди его рододендронов вдруг вылезут неистребимые побеги малинника из вашего сада? Малина расползается под землей на целые метры во все стороны; ни забор, ни стена, ни канава, ни даже колючая проволока, ни запретительная надпись – для нее не помеха. Выставит свой прут посреди ваших гвоздик или пупавок – и подите разговаривайте с ней! Чтоб все ваши малиновые плодники побила тля! Чтобы малиновым побегам прорасти в вашей постели! Чтоб у вас бородавки выросли с крупную малину! Во всяком случае, если вы честный, порядочный садовод, не сажайте у изгородей малины, рдеста, подсолнечников и прочих растений, попирающих, если можно так выразиться, частнособственнические права вашего соседа.

А уж если вы хотите его порадовать, посадите у своей изгороди дыни. В моей практике был случай, когда ко мне в сад пробралась из соседнего сада такая огромная, такая циклопическая, рекордная дыня, что множество журналистов, поэтов и даже университетских профессоров просто руками разводили, не понимая, как этот гигантский плод сумел протиснуться между жердями изгороди. Через некоторое время означенная дыня приобрела такой бесстыдный вид, что мы в наказание срезали ее и съели.

ИЮЛЬ САДОВОДА

Согласно каноническому правилу в июле садовод производит прививку роз. Обычно это делается так: берут шиповник, дичок, то есть подвой, к которому будут делать прививку. Потом – огромное количество лыка; наконец, садовый нож. Приготовив все это, садовод пробует пальцем остроту ножа: если нож достаточно остер, он порежет палец, оставив на нем кровоточащую ранку, похожую на разинутый красный рот. Палец обвязывается многометровым бинтом, благодаря чему превращается в крупный, толстый бутон. Это и есть прививка розы. Если нет под рукой шиповника, можно вышеописанный разрез пальца производить по иным поводам, как то: приготовление

отводков, срезание лишних побегов либо увядших стеблей, подстригание кустов и т. п.

Покончив таким манером с прививкой роз, садовод уже думает о необходимости нового рыхления слежавшейся и спекшейся земли клумб. Это делается шесть раз в год, причем каждый раз садовод удаляет невероятное количество камней и всякого мусора. Очевидно, камни эти вылупляются из каких-то семян или яичек, либо непрерывно выступают из таинственных недр земных; может быть, они представляют собой нечто вроде выпота земли. Садовая или культурная почва, так называемый гумус или перегной, состоит, как правило, из определенных ингредиентов, а именно: земли, навоза, прелых листьев, торфа, камней, осколков поллитровых бутылок, разбитых мисок, гвоздей, проволоки, костей, гуситских стрел, станиоля из-под шоколада, кирпичей, старых монет, старых курительных трубок, битого оконного стекла, зеркал, старых табличек с названиями растений, алюминиевой посуды, веревок, пуговиц, подметок, собачьего помета, углей, горшечных ручек, рукомольников, тряпок, пузырьков, скрипичных грифов, бидонов, пряжек, подков, консервных банок, изоляторов, обрывков газет и бесчисленного множества других элементов, добываемых озадаченным садоводом при каждом рыхлении его собственных клумб. Может случиться, что он как-нибудь вытащит из-под своих тюльпанов американскую печку, гробницу Атиллы или Сивиллины книги: в культурном слое можно найти что угодно.

Но главная июльская забота – это поливка и опрыскивание сада. Если садовод пользуется при этом лейкой, он отсчитывает лейки, как автомобилист – километры.

– Уф! – восклицает он с гордостью рекордсмена. – Сегодня перетаскал сорок пять леек.

Если бы вы знали, какое это наслаждение, когда холодная вода, журча, струится на сухую, как порох, землю, когда она искрится в вечерних сумерках на прибитых цветах и листьях; когда весь сад тихо, с облегчением вздыхает, словно истомленный жаждой путник...

– А-а-ах! – говорит путник, отирая пену с усов. – Как страшно хотелось пить. Еще кружечку, хозяин!

И садовод бежит наполнить еще лейку, чтоб утолить эту июльскую жажду. Но при помощи колонки и шланга поливка производится быстрее и, так сказать, в крупном масштабе. За сравнительно короткий срок мы опрыскиваем не только клумбы, но и газон, прихватив семью соседа, которая пьет чай у себя в саду, прохожих на улице, внутренность дома, всех своих домочадцев, а больше всего – самих себя. Струя из шланга бьет с удивительной силой, почти как пулемет; ею можно в одну минуту сделать в земле вымоину, скосить многолетники и сбить листву с деревьев. А направив струю против ветра, вы примете великолепный душ: вас промочит насквозь, как в настоящей водолечебнице. Для шланга первое удовольствие – продырявиться где-нибудь посредине, где вы меньше всего ожидаете; и вы стоите, словно какой-то водяной бог, в окружении прыскающих фонтанчиков, с длинной водяной змеей, свернувшейся у ваших ног. Внушительное зрелище! Вымокнув как следует, вы с удовлетворением объявляете, что сад получил свою порцию, и отправляетесь сушиться.

Но не успел ваш сад сказать “уф!”, как в мгновение ока уже выпил все ваши водометы и опять сух, опять жаждет, как прежде. Немецкая философия утверждает, что грубая действительность – это всего-навсего то, что есть, тогда как высший, нравственный мир представляет собой “das Sein-Sollende”, то есть то, что должно быть. Так вот, садовод, особенно в июле, всецело признает существование этого высшего мира, так как прекрасно знает, что должно быть.

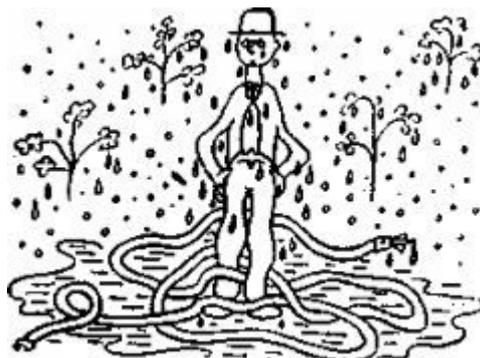
“Должно бы дождику быть”, – формулирует он эту мысль доступными ему средствами выражения.

Обычно происходит следующее: когда так называемые животворные солнечные лучи догонят ртутный столб до пятидесяти с лишним по Цельсию; когда трава сгорит, листья на куртинах высохнут и ветви деревьев вяло поникнут от зноя и жажды; когда земля потрескается, спечется в камень или рассыплется горячей пылью, тут, как правило -

1) лопается шланг, и поливать невозможно;

2) что-то происходит с насосом, вода совсем перестает течь, и вам, как говорится, – труба; горячая, раскаленная труба!

В такое время напрасно поливает садовод землю своим потом. Представьте себе, как бы ему пришлось потеть, для того чтобы полить, скажем, небольшой газон. Не помогут также ни ругань, ни брань, ни богохульства, ни яростное сплевывание, даже если с каждым плевком бежать в сад (дорога каждая капля влаги!). Тогда садовод обращает свои помыслы к высшему миру, фаталистически говоря:

- Должно бы дождику быть.
- Вы куда летом на дачу?
- Да сам не знаю, но дождику бы должно быть.
- А что вы скажете об отставке Энглиша *?
- Говорю: должно бы дождю быть.

Господи, и ведь представить себе только, какие чудесные дожди бывают в ноябре; четыре дня, пять, шесть дней подряд шумят холодные дождевые струи; сыро, пасмурно; башмаки промокли, под ногами чавкает грязь, чувствуешь, что прозяб до костей...

– Говорю вам: должно бы быть дождю.

Розы и флоксы, элениум и кореопсис, ночная красавица, гладиолусы, колокольчики, и борец, и девясил, и багульник, и поповник, – слава богу, довольно еще всяких цветов и в этих трудных условиях. То и дело одно цветет, другое отцветает; то и дело обстригай увядшие стебли с ворчаньем (обращаясь всегда к цветку, не к себе):

– Вот и тебе аминь!

Посмотрите: эти цветы – прямо как женщины. Прекрасные, юные, глаз не оторвешь; глядишь – не нагладишься на всю эту красоту; и всегда что-нибудь да ускользнет: ведь нет такой красоты, которой можно было бы насладиться досыта. Но начав отцветать, они как-то перестают следить за собой (я имею в виду цветы) и становятся, грубо говоря, какими-то неряхами. Как жаль, моя красавица (я имею в виду цветок), как жаль, что время так бежит... Красота исчезает, только садовод остается. Осень садовода начинается уже в марте: первыми отцветают подснежники.

Глава ботаническая

Как известно, существует флора ледниковая и степная, арктическая, понтийская, средиземноморская, субтропическая, болотная и т. д., и т. п., причем все эти виды растительности различаются либо по своему происхождению, либо по области распространения и буйного произрастания.

Так вот, начав в той или иной мере заниматься ботаникой, вы замечаете, что для кафе характерна одна растительность, а, скажем, для колбасных – другая; что одни виды и роды лучше растут на железнодорожных вокзалах, а другие – у обходчиков. Быть может, тщательный сравнительный анализ обнаружил бы, что на окнах у католиков успешно культивируется не та растительность, что у людей неверующих и прогрессистов, что в витринах галантерейных лавчонок пышно цветут одни лишь искусственные цветы и т. д. Но, поскольку ботаническая топография пока что, как говорится, в пленках, назовем несколько наиболее резко обозначившихся характерных ботанических групп:

1. Флора вокзальная включает два подкласса: насаждения перронные и сад начальника. На перронах, обычно подвешенные в корзинах, но иногда также расставленные на карнизах и окнах вокзального здания, особенно хорошо удаются острожки, затем – лобелия, пеларгония, петуния и бегония; на больших вокзалах иногда и драцена. Вокзальная флора отличается исключительно обильным и ярким цветением. Сад начальника в ботаническом отношении менее интересен: там встречаются розы, незабудки, анютины глазки, лобелии, жимолость и другие, социологически мало отличные друг от друга сорта.

2. Флора железнодорожная произрастает в садиках путевых обходчиков. К ней относится просвирник или мальва, подсолнечник, затем тропеолум, вьющиеся розы, георгины, – иногда также астры. Как мы видим, это по большей части растения, выглядывающие из-за забора, возможно, с той целью, чтобы доставить удовольствие проезжающему машинисту... Дикая железнодорожная флора растет на железнодорожных насыпях; состоит она главным образом из девясила, антирринума, коровяка, пупавки, медуницы, богородицовой травки и некоторых других железнодорожных видов.

3. Флора Мясниковская растет в витринах мясных лавок, среди мясных вырезок, окороков, бараньих туш и колбас. Охватывает небольшое количество видов, – в первую очередь аукубу, аспарагус Шпренгера; из кактусовых – цереус и эхинопс. У колбасников в цветочных горшках встречается также араукария, а иногда и первоцвет.

4. Флора гостиничная насчитывает два олеандра у входа и аспидистры на окнах; гостиницы, отпускающие так называемые домашние обеды, имеют на окнах также цинерарии; в ресторанах растут даже драцены, филодендроны, крупнолистная бегония, пестрые колеусы, латании, фикусы и вообще та растительность, которая в газетных заметках о балах иногда выразительно обозначается словами: “Эстрада утопала в пышной зелени тропических растений”. В кафе хорошо принимаются только аспидистры. Зато на террасах кафе в изобилии произрастают лобелии, петунии, традесканции, а также лавр и плющ.

Насколько мне известно, никакие растения не прививаются у булочников, оружейников, в магазинах автомобилей и сельскохозяйственных машин, у торговцев скобяными изделиями, мехом, писчебумажными товарами, шляпами и у многих других мелких предпринимателей. На окнах учреждений либо вовсе нет никакой растительности, либо одни красные и белые пеларгонии; во-

обще характер учрежденческой растительности зависит от вкусов и желания либо сторожа, либо начальника учреждения. Кроме того, решающую роль тут играет определенная традиция: в то время как полоса вдоль железных дорог отличается пышной и пестрой растительностью, близ почтовых и телеграфных станций не растет ровно ничего; муниципальные учреждения в смысле растительности богаче учреждений государственных, а среди последних налоговые представляют собой совершенную пустыню.

Особый ботанический класс составляет флора кладбищенская, а затем, разумеется, флора юбилейная, венчающая гипсовый бюст виновника торжества: к ней относятся олеандр, лавр, пальма и, на худой конец, аспидистра.

Что касается флоры оконной, то их две: бедная и богатая. Которая у бедных, та, обычно, лучше; кроме того, у богатых она, как правило, гибнет, пока хозяева на даче.

Мы далеко не исчерпали всего ботанического богатства разных зон растительности. Желательно было бы установить, какая категория людей культивирует фуксии и какая – страстоцвет; к какой профессии принадлежат любители кактусов и т. д. Возможно, что существует – либо возникнет – особая флора коммунистическая или флора лидовой партии. Богатства мира неисчерпаемы: каждое ремесло, – да что я говорю, – каждая политическая партия могла бы иметь свою собственную флору.

АВГУСТ САДОВОДА

Обычно, август – такое время, когда любитель-садовод покидает свой сад чудес и уезжает в отпуск. Круглый год он, правда, настойчиво твердил, что никуда не поедет, что у него сад лучше всякой дачи и что он, садовод, не такой дурак и болван, чтобы трястись в поезде черт знает куда; но только наступило лето, как он срывается с места, оттого ли, что в нем проснулся инстинкт перелетных птиц, или из-за соседей: как бы чего не сказали. Едет он, конечно, с тяжелым сердцем, полный опасений и тревог за свой сад. И уезжает только после того, как найдет приятеля или родственника, которому на время можно доверить свое сокровище.

– Знаете, – говорит он, – теперь в саду все равно ничего делать не надо. Просто заглядывайте в него раз в три дня, и коли что не так, – черкните мне открыточку: я приеду... Значит, буду на вас надеяться... Как я уже сказал, довольно пяти минут. Только взгляните одним глазом, и все.

И уезжает, препоручив свой сад доброму сердцу ближнего. На другой день ближний получает от него письмо: “Забыл вам сказать, что сад нужно поливать каждый день, лучше всего в пять утра или в семь вечера. Это совсем просто: только привинтить шланг к колонке да попрыскать чашок. Хвойные прошу поливать целиком и как можно обильней, также и газон. Если где увидите сорняк, выдергивайте. Это все”.

На следующий день: “Теперь страшно сухо: поэтому прошу вас, уделите каждому рододендрону лейки по две воды, дав ей предварительно согреться, каждому хвойному – пять, а остальным деревьям – по четыре лейки. Те многолетники, которые цветут, требуют усиленной поливки; на-

пишите мне, что именно зацвело. Отцветшие стебли надо обрезать! Было бы хорошо, если бы вы взрыхлили все клумбочки мотыгой: земле стало бы легче дышать. Если на розах появились тли, купите табачного настоя и опрыскивайте им эти розы по росе или после дождя. Больше пока ничего не надо делать”.

На третий день: “Я забыл вам сказать, что нужно выкосить газон. Машинкой вы это сделаете шутя, а где она не возьмет, там подстригите ножницами. Но имейте в виду! После этой операции надо всю траву хорошенько прочесать граблями и пройтись по ней метлой! Иначе газон облысеет! И поливать его, как следует поливать!”

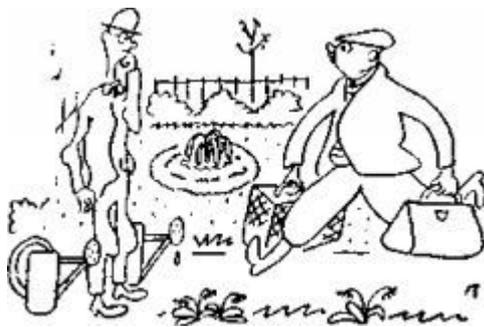

На четвертый день: “Если бы вдруг разразилась гроза, прошу вас, сбегайте, посмотрите на мой сад. Сильный ливень может причинить иногда большой ущерб, и в таких случаях хорошо быть на месте. Если б на розах появился грибок, посыпайте их рано утром, по росе, серным цветом. Подвяжите высокие многолетники к подпоркам, чтобы ветер не поломал. Здесь великолепно, много грибов, отличное купанье. Не забывайте каждый день поливать ампелопсис возле дома: там сухое место. Соберите в мешочек семена *Paraver pudicaule*. Траву вы, наверно, уже скосили. Больше ничего не требуется. Только уничтожайте ухверток”.

На пятый день: “Посылаю вам ящик с растениями, которые я выкопал здесь в лесу. Это разные, кукушкины слезки, дикие лилии, полевой мак, грушовки, анемоны и др. Как только получите ящик, сейчас же откройте его, спрысните саженцы водой и посадите их куда-нибудь в тенистое место сада! Подложите им торфу и прелой листвы. Сейчас же посадить и три раза в день поливать! Пожалуйста, обрежьте лишние побеги на розах!”

На шестой день: “Посылаю вам экспрессом корзину с полевыми цветами... Сейчас же высаживайте в грунт... Ночью вам надо бы сходить с фонариком в сад и уничтожить улиток. Хорошо бы выполоть дорожки. Надеюсь, надзор за моим садом не занимает у вас много времени и доставляет вам приятные минуты”.

А в это время любезный ближний, в полном сознании своей ответственности, поливает, стрижет, рыхлит, полет и расхаживает по саду с присланными саженцами – в поисках, куда бы, черт побери, посадить их; весь в поту, облитый водой с головы до ног, он с ужасом видит: тут вянет куст, там поломались стебли, а здесь порыжел газон и вообще весь сад словно обожженный. И он проклинает мгновенье, когда взял на себя этот крест, и молит бога, чтоб уж скорей наступила осень.

Между тем владелец сада с тревогой думает о своих куртинах и газонах, плохо спит, сердится, что любезный ближний не присылает ежедневного рапорта о состоянии сада, считает дни, оставшиеся до конца отпуска, через день отправляет домой ящики с полевыми цветами и письма с дюжиной настойчивых указаний. Вот, наконец, он вернулся. С чемоданами в руках кидается он прямо в сад и обводит его увлажненными глазами.

“Бездельник, болван, свинья! – с горечью думает он. – Во что он мне сад превратил”.

– Спасибо, – сухо благодарит он ближнего. Затем – воплощенный укор! – берет шланг и на-

чинает поливать заброшенные куртины.

“Ну не идиот ли? – думает он. – Доверь что-нибудь подобному субъекту! Больше никогда в жизни не буду таким дураком и простофилей, чтобы уезжать на лето”.

Что там полевые цветы! Фанатик садоводства уж как-нибудь выроет их из земли, чтоб внедрить в свой сад. Вот с другими объектами природы – беда.

“Черт возьми! – думает садовод, поглядывая на Маттерхорн или Герлаховку. – Как бы хорошо эту гору да ко мне в сад. И вот этот уголок девственного леса с лесными великанами, и эту просеку, и этот горный ручей, или лучше вон то озеро. Этот мягкий луг тоже неплохо выглядел бы в моем саду. И еще бы кусочек морского берега! И те развалины готического монастыря недурно бы ко мне перенести. И еще бы вон ту тысячелетнюю липу. А этот античный фонтанчик как пришелся бы ко двору! Потом хорошо бы стадо оленей, или какую-нибудь там серну, или хоть вот такую аллею вековых тополей, и вон ту скалу, и ту реку, и ту дубовую рощу, или этот голубовато-белый водопад, или хоть вон ту тихую зеленую долину...”

Если бы можно было заключать договора с дьяволом, чтобы тот исполнял все желания садовода, последний продал бы ему свою душу. Только дьяволу, бедняге, дорого бы это обошлось. “Негодяй, – сказал бы он в конце концов, – чем мне так с тобой мучиться, отправляйся-ка лучше на небо... Только там тебе и место...” И, злобно махая хвостом, сбивая головки ромашек, ушел бы восвояси, покинув садовода с его бесконечными, непомерными требованиями.

Прошу иметь в виду, что я говорю о подлинных любителях садоводства, а не о каких-нибудь плодоводах и огородниках. Пускай плодовод восторгается своими яблочками да грушками, пускай огородник радуется сверхъестественным размерам своих кольраби, тыкв и сельдереев: настоящий садовод всем существом своим чувствует, что август, как ни говори, – время поворотное. Что ни цветет, то вот-вот станет отцветать. Будет еще период осенних астр и хризантем, а затем прости-прощай! Нет, нет, еще ты, свежий флокс, цветок, излюбленный священниками, ты, золотой печеночник и золотень, золотая рудбекия, золотой гарпалиум, золотой солнцезвезд: мы с вами еще не сдаемся, – какое там! Весна – круглый год, вся жизнь – молодость. Всегда чему-нибудь да время цвести. Только так говорится: “Осень!” А мы в это время цветем на иной лад, растем под землей, начинаем новые побеги. И все время есть дело. Только те, кто сидит сложа руки, говорят, будто повернуло на плохое. Но все, что цветет и плодоносит, даже в ноябре знать ничего не хочет об осени: для него есть только красное лето; осень – не время упадка: это пора распускания почек. Осенняя астра, милый человек! Год такой длинный, что конца ему нету.

О любителях кактусов

Я называю их сектантами; не из-за того пыла, с каким они ухаживают за кактусами: этот образ действий можно назвать страстью, чудачеством, манией. Но суть сектантства не в пылкой деятельности, а в пылкой вере. Есть любители кактусов, верящие в толченный мрамор; есть другие, верящие в толченный кирпич; наконец третьи, верящие в древесный уголь. Одни признают поливку, тогда как другие ее отвергают. Существуют некие глубочайшие тайны Настоящего Кактусового Грунта, которых ни один любитель кактусов вам не выдаст, хоть четвертуйте. Все эти секты, организации, ордена, согласия, школы, ложи, так же как одиночные, дикие любители кактусов или отшельники, будут вам клясться, что только с помощью своего Метода они достигли столь замечательных результатов. Видите вот этот *Echinocactus Miriostigma*? Так я скажу вам по секрету: его нельзя поливать, надо только опрыскивать. Да-с.

– Как так? – воскликнет другой любитель. – Где это слыхано, чтобы *Echinocactus Miriostigma*

вдруг опрыскивать? Чтобы застудить ему макушку? Нет, сударь. Если вы не хотите, чтобы Echinocactus попросту сгнил, вы должны увлажнять его только одним способом: раз в неделю ставить его прямо в горшке в тепловатую воду – 23,789° Цельсия. И будет он у вас расти как капуста.

– Господи боже! – всплеснет руками третий кактусовод. – Послушайте только этого убийцу! Если вы станете мочить цветочный горшок, сударь, он у вас покроется зеленой плесенью, земля в нем закиснет, и вы сядете в лужу, да в преогромную. Кроме того, у вашего Echinocactus'a Miriostigma начнется загнивание корней. Если вы не хотите, чтоб у вас земля закисала, надо поливать ее через день дистиллированной водой, с таким расчетом, чтобы на кубический сантиметр земли приходилось 0,111111 граммов воды, ровно на полградуса более теплой, чем воздух.

Тут все трое начинают кричать одновременно, убеждая друг друга кулаками, зубами, копытами и когтями. Но, как уж повелось, истину даже таким способом установить не удастся. Нужно, однако, признать, что столь горячее отношение к кактусам вполне понятно – хотя бы потому, что они таинственны. Роза прекрасна, но не таинственна. К таинственным растениям принадлежат лилия, горечавка, золотой папоротник, древо познания, вообще все первобытные деревья, некоторые грибы, мандрагора, ятрышник, ледниковые цветы, ядовитые и лекарственные травы, кувшинки, мезембриантемум и кактусы. В чем их таинственность заключается, не сумею вам объяснить: чтобы эту таинственность обнаружить и преклониться перед ней, надо просто признать ее фактом. Кактусы имеют форму морского ежа, огурца, тыквы, подсвечника, кувшина, квадратной шапочки священника, змеиного гнезда; они бывают покрыты чешуей, сосками, вихрами, когтями, бородавками, штыками, ятаганами и звездами; бывают приземистые и вытянутые вверх, ошетиленные, как полк копейщиков, колючие, как эскадрон с саблями наголо, тугие, одеревеневшие и сморщенные, покрытые сыпью, бородатые, мрачные, хмурые, усеянные пеньками, как просека, плетеные, как корзинка, похожие на опухоли, на зверей, на оружие; это самые мужеподобные из всех трав, сеющих семя по роду своему и созданных в день третий. (“Какую я сделал глупость!” – воскликнул потом Создатель, удивившись своему созданию.) Вы можете любить их, но не прикасайтесь к ним бесцеремонно, не целуйте их и не прижимайте к груди: они не терпят фамильярности и какого бы то ни было панибратства. Они тверды, как камень, вооружены до зубов, полны решимости не даваться в руки: проходи, бледнолицей, а то буду стрелять! Небольшая коллекция кактусов похожа на лагерь воинственных эльфов. Отрубите любому из этих воинов голову или руку, из нее вырастет новый, грозный мечом и кинжалом боец. Жизнь – сражение.

Но бывают таинственные периоды, когда этот строптивый упрямец и недотрога как бы впадает в забытие и мечтательность. Тогда из него вырывается среди поднятого оружия большой, сияющий, молитвенно воздетый ввысь цветок. Это – великая милость, событие небывалое, совершающееся далеко не с каждым. Уверяю вас, материнская гордость – ничто в сравнении с высокомерием и кичливостью кактусовода, у которого зацвел кактус.

СЕНТЯБРЬ САДОВОДА

По-своему – с садоводческой точки зрения – сентябрь благодарный, замечательный месяц. И не только потому, что в сентябре цветут золотень, астры осенние и хризантема индийская, не только благодаря вам, тяжелые, ошеломляющие георгины. Знайте, неверные: сентябрь – золотая пора для всего, что цветет дважды: это месяц вторичного цветения; месяц созревания винограда. Вот таинственные преимущества сентября, полные глубокого смысла. Но самое главное – это тот месяц, когда снова раскрывается земля, так что можно опять сажать! Пора укладывать в землю то, что должна застать в ней весна. Опять для любителей-садоводов основание бегать по питомникам, осматривать их культуры и выбирать себе сокровища для новой весны. Кроме того, это – возможность задержаться на минутку в годовом круговороте у ваших постоянных наставников и отдать им дань восхищения.

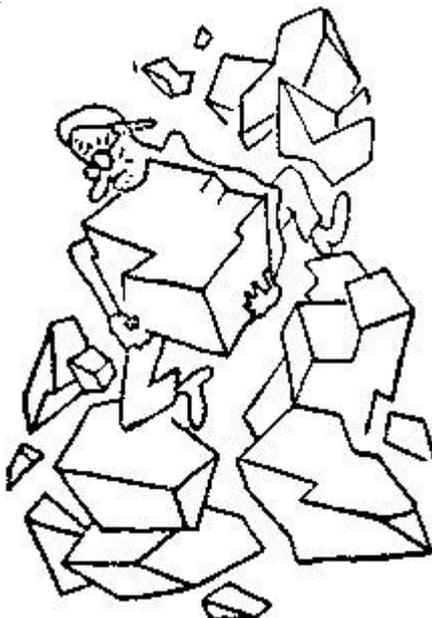
Крупный садовод или владелец питомника – обычно человек непьющий, некурящий, словом – добродетельный. История не числит за ним ни чудовищных злодейств, ни военных или политических заслуг. Имя его иногда увековечивается каким-нибудь новым сортом роз, георгин или яблок; этой славой – по большей части анонимной или скрытой другим именем – он и довольствуется. Благодаря капризу природы это, как правило, человек дородный, можно сказать массивный; может быть, природа имеет при этом в виду создать контраст к нежной, филигранной прелести цветов; или же берет за образец фигуру Кибелы, чтобы подчеркнуть его плодовитость. В самом деле, когда он роется пальцем в горшочках, кажется, будто он дает своим маленьким питомцам грудь. Он относится с презрением к садовникам-архитекторам, которые, в свою очередь, считают владельцев питомника огородниками. Имейте в виду; владельцы питомников считают свою работу не ремеслом, а наукой и искусством. И когда они называют конкурента хорошим коммерсантом, это звучит прямо убийственно. К владельцу питомника не заходят, как к торговцу воротничками или скобяным товаром: сказал, что хочешь купить, заплатил и пошел. К владельцу питомника ходят потолковать: осведомиться, как называется то-то и то-то; сообщить, что *Hutchinsia*, которую вы у него прошлый год купили, выросла на диво; посоветовать, что в нынешнем году у вас пострадала *Мертенсия*; и клянуть, чтоб он показал свои новинки. Надо еще продискутировать с ним вопрос о том, что лучше – “Рудольф Гете” или “Эмма Бедау” (это астрочки такие), а также выяснить, что предпочитает “Генциана Клузии” – ил или торф.

Исчерпав эти и многие другие темы, вы выбираете один новый *Alyssum* (господи, куда же я его посажу?), одну острожу взамен той, которую у вас побил грибок, и один горшочек, относительно которого вы никак не сойдетесь с хозяином питомника: что же в нем такое? Потратив та-

ким образом несколько часов на полезную и благородную беседу, вы уплачиваете хозяину, хоть он и не коммерсант, пять-шесть крон – и дело с концом. И все же, о мучитель, вас садовод встречает куда с большим удовольствием, чем тех господ, что, примчавшись на машине и навоняв бензином, велят отобрать для них шестьдесят сортов “самых лучших цветов, но только чтоб высшей марки!” Каждый владелец питомника божится, что у него в саду почва очень плохая, что он ее не удобряет, не поливает и даже не укрывает на зиму; видимо, он хочет этим сказать, что цветы его так хорошо растут просто из симпатии к нему. И в этом есть доля истины: занимаясь питомником, надо иметь легкую руку или как бы благодать свыше. Ему, садоводу-профессионалу, достаточно воткнуть в землю палку – у него вырастет любой цветок, в то время как мы, непосвященные, возимся с семенами, размачиваем их, дышим на них, подкармливаем их костной либо детской мучкой – и в конце концов все это у нас каким-то образом засыхает и гибнет. Мне кажется, тут какое-то колдовство, все равно как в охоте и в медицине.

Заветная мечта каждого страстного садовода – вывести новый вид. Господи, если б у меня вдруг выросла желтая незабудка, или голубой, как незабудка, мак, или белая горечавка... Что из того, что голубая красивей? Все равно: ведь белой-то еще не было. И потом, видите ли, даже в цветах человек немножко шовинист: если бы какая-нибудь чешская роза одержала в мировом масштабе верх над американской “Индепенденс-дэй” или французской “Эррио”, мы лопнули бы от гордости и сошли бы с ума от радости.

От души советую вам: если у вас в саду есть неровность или уступ, устройте горку. Прежде всего, очень красиво, когда такая горка покроется подушками камнеломки, торички, торицы, резухи и других великолепных горных цветов. Во-вторых, самое сооружение горки – превосходное, увлекательное занятие. Человек, устраивая горку, чувствует себя циклопом, громоздящим, так сказать, со стихийной силой глыбу на глыбу, создающим вершины и долины, переносящим с места на место горы и утверждающим утесы. Когда же он, с ломотой в пояснице, завершит свое гигантское предприятие, то обнаружит, что дело рук его не совсем похоже на ту романтическую горную страну, которая возникла в его воображении, а скорей напоминает кучку щебня и камней. Но не огорчайтесь: через год весь этот камень превратится в великолепнейшую клумбу, сверкающую мелкими цветочками и покрытую чудеснейшими подушками цветов. И велика будет радость ваша. Говорю вам, устраивайте горку.

Да, отрицать не приходится: наступила осень. Об этом говорят астры и хризантемы: эти осенние цветы цветут сейчас с исключительной силой и пышностью. Без особенных претензий, цветы как цветы, но зато сколько их! Уверяю вас, этот поздний расцвет – более пылок и могуч, чем суетливые, легкомысленные проказы молодой весны. В нем – разум и солидность зрелого человека: уж если цвести, так основательно; иметь вдоволь меду, чтобы прилетели пчелки. Что значит какой-то опавший лист перед этим богатым осенним расцветом? Разве вы не видите, что нет никакой усталости?

Почва

Моя покойная матушка в молодости, раскладывая карты для гаданья, шептала: “Так... что у меня на сердце? А что в ногах?” Тогда я никак не мог постичь ее интереса к тому, что у нее под ногами. И только через много-много лет сам заинтересовался этим, обнаружив, что под ногами у меня земля.

Человек, в сущности, совершенно не думает о том, что у него под ногами. Всегда мчится, как бешеный, и – самое большее – взглянет, как прекрасны облака у него над головой, или горизонт вдаль, или чудесные синие горы. И ни разу не поглядит себе под ноги, не похвалит: какая прекрасная почва! Надо иметь садик величиной с ладонь, надо иметь хоть одну клумбочку, чтобы познать, что у тебя под ногами. Тогда, голубчик, ты понял бы, что облака не так разнообразны, прекрасны и грозны, как земля, по которой ты ходишь. Тогда научился бы различать почву кислую, вязкую, глинистую, холодную, каменистую, засоренную. Тогда узнал бы, что персть бывает воздушная, как пирог, теплая, легкая, вкусная, как хлеб, и назвал бы ее прекрасной, как называешь женщин или облака. Тогда испытал бы особенное чувственное наслаждение, видя, как твоя трость уходит на целый локоть в рыхлую, рассыпчатую почву, или сжимая в горсти комок, чтоб ощутить ее воздушное и влажное тепло.

А если ты не поймешь этой своеобразной красоты, – пускай судьба в наказание подарит тебе несколько квадратных сажен глины, твердой как олово, глины, лежащей толстым слоем, глины материковой, от которой несет холодом, которая прогибается под заступом, будто жевательная резинка, спекается на солнце и закисает в тени; глины злой, неуступчивой, мазкой, печной глины, скользкой, как змея, и сухой, как кирпич, плотной, как жесть, и тяжелой, как свинец. Вот и рви ее киркой, режь заступом, бей молотком, переворачивай, обрабатывай, изрыгая проклятия и жалуясь на судьбу. Тогда поймешь, что такое вражда и коварство бесплодной, мертвой материи, нипочем не желающей стать почвой для всходов жизни. Уяснишь, в какой страшной борьбе, пядь за пядью, отвоевывала себе место под солнцем жизнь, в любой ее форме – от растительности до человека.

И еще ты узнаешь, что земле надо давать больше, чем берешь у нее; нужно обработать ее щелочью, насытить известью, согреть теплым навозом, пересыпать легкой золой, напоить воздухом и солнцем. Тогда начнет распадаться и дробиться спекшаяся глина, словно тихонько дыша; начнет с удивительной готовностью мягко поддаваться она заступу; станет на ощупь теплой, бла-

годарной. Она укрощена. Уверяю вас, укротить несколько квадратных сажен земли – огромная победа. Вот она лежит, трудолюбивая, рассыпчатая, влажная; хочется всю ее раскрошить, размять пальцами, чтобы удостовериться в своей победе. И уж не думаешь о том, что на ней сеять. Разве само по себе не прекрасное зрелище – эта темная, воздушная земля? Не прекрасней ли она, чем какая-то клумба с анютиными глазками или грядка с морковью? Ты почти ревнуешь к растительности, завладевающей благородным плодом человеческих усилий, который носит название персти.

Теперь ты уже не будешь ходить по земле, не зная, что у тебя под ногами. Будешь ощупывать рукой и тростью каждую кучку праха, каждый участок поля, как другие рассматривают звезды, людей, фиалки. Будешь таять от восторга над черной перстью, влюбленно сжимать нежное лесное листье, взвешивать в руке плотную дернину и легкий торф. Будешь восклицать, мой милый: “Ах, вот этого бы мне хоть вагон! И еще, черт возьми, возик такого бы листья тоже неплохо; а сверху присыпать бы таким вот перегноем да прихватить этих коровьих лепешек; и чуточку вот этого речного песку; и несколько тачек гнилья от этого трухлявого пня; и потом немного ила из ручья; да и эта дорожная грязь тоже не повредила бы. И еще какого-нибудь фосфату, и роговых спилков. А как подошла бы мне эта прекрасная пахотная земля, господи!” Бывают почвы жирные, как свиное сало, легкие, как пух, рассыпчатые, как торт, светлые и темные, сухие и сочные; это все – многообразные и благородные разновидности красоты. Напротив, гнусно и противны все липкое, комковатое, мокрое, вязкое, холодное, бесплодное, данное человеку для того, чтобы он проклинал мертвую материю; все это так же противно, как холод, черствость и злоба человеческих душ.

ОКТЯБРЬ САДОВОДА

Говорят – октябрь; говорят – в это время природа укладывается спать. Но садовод лучше знает; садовод скажет вам, что октябрь – очень хороший месяц, не хуже апреля. К вашему сведению, октябрь – первый весенний месяц, месяц подземного зарождения и прорастания, скрытого набухания почек; попробуйте, запустите пятерню в землю: вы найдете проклюнувшиеся ростки толщиной в палец, и хрупкие побеги, и жаждущие корни – да, да, уже весна. Выходи, садовод, начинай посадки (только будь осторожен, не повреди заступом проросшую луковицу нарцисса).

Итак, из всех месяцев именно октябрь – месяц посадок и пересадок. Ранней весной стоит садовод над своей клумбой, где там и сям уже начинают высовываться острия почек, и размышляет: “Тут у меня немного голо и пусто: надо будет чего-нибудь посадить”. Примерно через месяц опять стоит он над этой самой клумбой, где успели уже взойти двухметровые хвосты дельфиниума, джунгли поповника, дебри колокольчиков и черт его знает чего еще, и размышляет: “Тут у меня немножко чересчур разрослось. Гущина какая! Придется малость того... сделать прореживание и рассадить”.

В октябре он стоит над той же клумбой, из которой там и сям торчит желтый лист или голый стебель, поразмышляет: “Тут у меня немножко голо и пусто. Подсажу-ка я чего-нибудь: ну, ска-

жем, шесть флоксов или какую-нибудь астру покрупней”. Сказано – сделано. Жизнь садовода полна перемен и активной деятельности.

Ворча, но втайне довольный, обнаруживает в октябре садовод в своем саду голые места.

“Черт возьми, – говорит он себе, – тут у меня, скорей всего, что-то завяло. Постой, надо это пустое место засадить. Например, золотенем или лучше цимицифугой. Правда, ее у меня еще нет. Но лучше всего – астильбу. А на осень хорошо бы сюда *pyrethrum uliginosum*. Да и камзичник на весну был бы неплох. Стоп, я посажу сюда монарду – *Senset*, либо “Кембридж Скарлет”. Да и *hemerocallis* тоже подошел бы”. После чего он в глубокой задумчивости идет в дом, вспоминая по дороге, что и морина – славная былинка, не говоря о кореопсисе; да и буквицей не следует пренебрегать. Потом он поспешно выписывает в каком-нибудь цветочестве золотень, цимицифугу, астильбу, *pyrethrum uliginosum*, камзичник, монарду, *hemerocallis*, морину, кореопсис, буквицу и сверх того еще анхузу и шалфей. Потом несколько дней неистовствует, что посылка не приходит и не приходит. Потом рассыльный приносит ему огромную корзину, и он мчится с заступом на голое место. Не успел копнуть, как выворотил целый клубок корней с гроздью толстых ростков.

“Господи Иисусе, – ахает садовод, – ведь у меня тут была посажена купальница!”

Да, есть на свете безумцы, которые хотят иметь в своем саду все шестьдесят восемь родов растений двудомных, пятнадцать однодомных, два голосеменных, а из тайнобрачных – по крайней мере все папоротниковые, поскольку с плаунами и мхами пропадешь.

Но есть еще более безумные безумцы, посвятившие всю свою жизнь какому-нибудь одному виду, но желающие во что бы то ни стало иметь его во всех до сих пор выведенных и зарегистрированных разновидностях. Так, например, есть “луковичники”, верные культу тюльпанов, гиацинтов, лилий, хионодоксов, нарциссов, тацет и других луковичных диковин. Затем “примуломаны” и “аурикулисты”, преданные исключительно первоцветам, а так же “анемониаки”, посвятившие себя анемонам. Затем “ирисники” или “коса-точники”, которые погибли бы с горя, если б упустили хоть что-нибудь из группы, куда входят *Aragon*, *Pogoniris*, *Regelia*, *Onocyclus*, *Juno* и *Xiphium*, не считая гибридов. Существуют “дельфинисты”, разводящие исключительно этот вид лютиковых. Существуют розо-маны или розариане, не признающие ничего, кроме “мадам Друшки”, “мадам Эррио”, “мадам Каролины Тесту”, “господина Вильгельма Кордеса”, “господина Перне” и многочисленных других особ, перевоплотившихся в розу. Существуют фанатики – “флоксисты”, или “флоксифилы”, которые в августе, когда у них цветут флоксы, не скрывают своего презрения к “хризантеманам”, а последние платят им тем же в октябре, когда цветет *Chrysanthemum indicum*! Существуют меланхолические “астровики”, предпочитающие всем жизненным наслаждениям поздние астры. Но самые отчаянные из всех безумцев (не считая, конечно, любителей кактусов) – это “георгианцы”, готовые заплатить за какую-нибудь новую американскую далию бешеные деньги: хоть двадцать крон!

Из всех них только “луковичники” имеют за собой некоторую историческую традицию и даже собственного патрона – именно святого Иосифа, который, как известно, держит в руке *Lilium Candidum*, хотя теперь мог бы уже достать себе *Lilium Brownii leucanthum*, которая гораздо белей. Наоборот, нет святого, который имел бы при себе цветок флокса или георгина: таким образом, люди, предающиеся культу этих цветов, являются еретиками, иногда же основывают свою собственную церковь.

А почему бы этим культам не иметь своих житий святых? Попробуем набросать, допустим, житие святого Георгина Далийского. Георгинус был добродетельный и благочестивый садовник, которому после долгих молитв удалось вывести первые георгины. Узнав об этом, языческий император Флоксиниан вспылал гневом и послал стражу – ввергнуть благочестивого Георгина в темницу.

– Слушай, огородник! – обрушился на него император Флоксиниан. – Ты будешь теперь поклоняться отцветшим флоксам.

– Не буду, – мужественно возразил Георгинус, – ибо георгины это георгины, а флоксы – только флоксы.

– Четвертуйте его, – взревел жестокий Флоксиниан.

И разрубили святого Георгина Далийского на части, и разорили сад его, посыпав зеленым купоросом и серой. Но части рассеченного тела святого Георгина превратились в клубни, давшие жизнь всем будущим георгинам, – а именно, пионовым, анемоновым, обыкновенным, кактусовым, звездчатым, миньонам, помненным или лилипутам, розетковым, коллеретовым и гибридным.

Осень – самое щедрое время года; я сказал бы, что весна по сравнению с ней скуповата. Осень действует в крупном масштабе. Бывало у вас когда-нибудь, чтобы весенняя фиалочка вдруг выросла в три метра высотой, или тюльпан рос бы, рос и в конце концов перерос деревья? Вот видите. А ведь бывает, что вы весной посадите какую-нибудь осеннюю астру, и она к октябрю даст

вам двухметровый девственный лес, в который вы боитесь вступить, так как не уверены, что найдете дорогу обратно. Или в апреле вы ввели в землю корешок элениума либо солнцезвета, то есть подсолнечника, а теперь вам иронически кивают сверху золотые цветы, до которых, даже став на цыпочки, не дотянуться рукой.

Такие истории происходят с садоводом на каждом шагу, стоит ему чуть пренебречь чувством меры. Поэтому осенью он устраивает переселение своих питомцев: каждый год переносит свои многолетники, как кошка котят! Каждый год с удовлетворением говорит: – Так. Теперь все у меня посажено и в порядке. А через год опять вот так же облегченно вздыхает. Сад никогда не бывает окончательно устроен. В этом отношении он подобен человеческому обществу и всем людским делам.

О красотах осени

Я мог бы написать о буйных красках осени, о тоскливых туманах, о душах умерших и небесных явлениях, о последних астрах и маленькой красной розе, которая еще старается расцвести. Или об огоньках в сумраке, о запахе кладбищенских свечей, о сухой листве и прочих элегических предметах. Но мне хочется воздать честь и хвалу другому украшению нашей чешской осени: просто сахарной свекле.

Ни одно из произведений земли не живет так кучно, как сахарная свекла. Зерно ссыпают в амбары, картошку – в подвалы. А сахарную свеклу ссыпают в кучи; складывают в холмы; нагромождают свекловичными горами возле полустанков. Бесконечной вереницей тянутся телеги, груженые белыми корнеплодами; с утра до вечера вооруженные мотыгами мужчины наваливают высокие громады, придавая им правильную геометрическую форму пирамид. Все плоды земные так или иначе, всевозможными путями растекаются по отдельным хозяйствам. А свекла течет сплошным потоком – прямо к ближайшей железной дороге или к ближайшему сахарному заводу. Это произведение оптовое: оно наступает 'en masse' (массой (франц.)), как на военных маневрах. Тут – бригады, дивизии, армейские корпуса, подтягивающиеся к железнодорожным путям. Поэтому они и построены в боевой порядок: геометрия – красота масс. Свекловоды сооружают бунты в виде монументальных приземистых зданий; это – почти зодчество. Куча картошки – не здание. Но груда свеклы – это уже не куча: это строение. Горожанин – не любитель свекловодческих пейзажей; но как раз осенью они представляют довольно величественный вид. В аккуратно сложенной пирамиде свеклы есть что-то захватывающее. Это – монумент плодородной земле.

Но позвольте мне восславить самую бесспорную из всех красот осени. Я знаю, у вас нет свекловичного поля, и вы не сваливаете свеклу в груды; но приходилось ли вам когда-нибудь удобрять сад? Когда вам привезут полную телегу и выворотят теплую дымящуюся кучу, вы ходите вокруг, впиваясь в нее глазами и нюхом, и говорите признательно:

– Ей-богу, хороший навоз. Потом добавляете:

– Хороший, но легковатый. Потом – уже недовольно:

– Помету мало. Одна солома.

Ступайте прочь, вы, затыкающие себе нос, старающиеся обойти подальше эту великолепную, горячую груду: вы не знаете, что такое хорошее удобрение... А когда клумбы получают все, что им полагается, – человек испытывает слегка мистическое чувство: он сделал земле добро.

Голые деревья – не такое уж унылое зрелище: они похожи отчасти на веники или метлы, отчасти на леса для будущей стройки. Но если на таком голом деревце дрожит под ветром последний лист, это – как последнее знамя, развевающееся на поле боя, как флаг, сжимаемый рукой одного из убитых. Мы пали, но не сдались. Наши цвета еще реют в воздухе.

И хризантемы еще не сдались. Они хрупки и воздушны, лишь слегка обозначенные белой или розовой пеной, зябнувшие, словно молоденькие барышни в бальных платьях. Что? Солнышка слишком мало? И нас душит седой туман? И мочат холодные дожди? Не беда. Самое главное – цвести. Только люди жалуются на плохие условия. Хризантемы этого никогда не делают.

У богов тоже свои сезоны. Летом человек может быть пантеистом, может считать себя частью природы. Но осенью он может считать себя только человеком. И даже если мы не крестим себе лба, то мало-помалу все возвращаются к истоку жизни. Каждый домашний очаг пылает в честь домашних богов. Любовь к родине, к дому – такая же религия, как поклонение какому-нибудь звездному божеству.

НОЯБРЬ САДОВОДА

Я знаю, есть много замечательных занятий: например, писать в газеты, голосовать в парламенте, заседать в административном совете, подписывать казенные бумаги. Но как бы все это ни было прекрасно и почтенно, занимающийся этим не выглядит так внушительно, нет у него той монументальной, пластичной, можно сказать, скульптурной осанки, какой отличается человек с заступом. Господи, когда вы стоите так на своей клумбе, упершись одной ногой в железо заступа, стирая пот с лица и произнося: “уф!” – вы производите впечатление прямо аллегорической статуи. Остается только осторожно вырыть вас, вынуть из земли со всеми корнями и поставить на постамент с надписью “Триумф труда”, или “Властелин земли”, или еще как-нибудь в этом роде. Говорю так потому, что теперь как раз пришла пора для этого, то есть для рытья.

Да, в ноябре надо вскапывать и рыхлить почву; наберешь ее полный заступ и испытываешь такое аппетитное, лакомое ощущение, будто набрал полный половник, полную ложку еды. Хорошая почва, как и хорошая еда, не должна быть ни слишком жирной, тяжелой и холодной, ни слишком влажной или слишком сухой, ни мягкой, ни твердой, ни порошкообразной, ни сырой: она должна быть как хлеб, как пряник, как сдобная булка, как поднявшееся тесто; должна рассыпаться, но не крошиться; должна хрустеть под заступом, но не чавкать; при переворачивании не должна превращаться в скамьи, головы, пласты, клецки, а должна, облегченно вздыхая, распадаться в комки и крупичатую пыль. Вот это и есть почва съедобная и вкусная, культурная и благородная, почва глубокая и влажная, пористая, дышащая, мягкая, – словом, хорошая почва, как бывают

хорошие люди; а известно, что в этой юдоли слез лучше ничего нету.

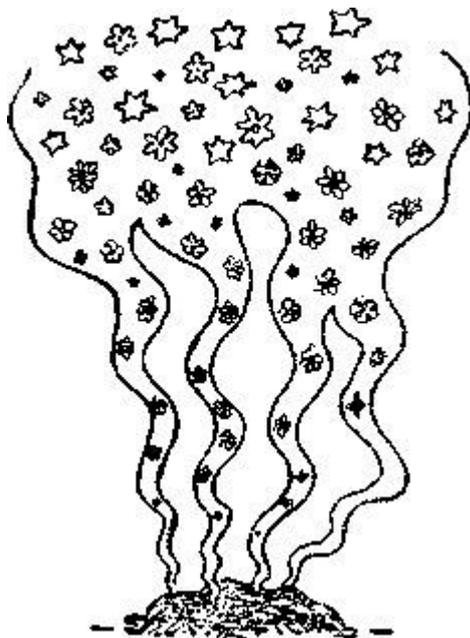
Знай, садовод милый, что в эти осенние дни можно еще пересаживать. Надо сперва окопать куст или деревце как можно глубже; потом подхватить снизу заступом, – причем заступ обычно ломается пополам. Есть люди, – главным образом критики и публичные ораторы, – которые любят толковать о корнях; они твердят, например, что, дескать, надо глядеть в корень, что то или иное зло надо вырвать с корнем, что надо добираться до корней явления. Хотел бы я посмотреть, как бы они стали выкапывать (вместе с корнями), скажем, трехлетнюю айву. Хотел бы понаблюдать, как Арне Новак склоняется к корням какого-нибудь маленького кустика, скажем, *Ruscus*'а. Или как Зденек Неедлы выворачивает с корнями, допустим, солидный тополь. Думаю, что в конце концов оба они махнули бы рукой, произнеся только одно словечко – и бьюсь об заклад, что этим словечком было бы: “Ну его к черту!” Я сам испытал это с цидониями; могу засвидетельствовать, что иметь дело с корнями очень трудно; лучше не трогать их; они сами знают, зачем сидят так глубоко; и нашего внимания им не требуется. Так что лучше оставить их в покое и утучнять почву.

Да, утучнять почву. Что может быть лучше телеги навоза, доставленного вам в морозный день и дымящегося, как жертвенный костер. Когда дым его доходит до небес, всеведущий, там, наверху, почуяв запах, промолвит:

– Эге, славный какой-то навозик!

Тут необходимо сказать два слова о таинственном круговращении естества: наестся лошадка овса и передаст его дальше – гвоздикам либо розам, а те на будущий год восславят за это творца таким чудным ароматом, что пером не описать. Так вот – садовод улавливает этот чудный аромат уже в дымящейся куче навоза с соломой. И жадно нюхает и заботливо раскидывает этот божий дар по всему саду, будто намазывает для своего ребенка ломтик хлеба вареньем. Вот тебе, галчонк, кушай на здоровье! Вот вам, “Мадам Эррио”, за ваши красивые бронзовые цветы, – целая кучка. Ты, ромашка, не ворчи – получай лепешку. А тебе, усердный флокс, постелю бурой соломы. Что нос воротите, люди добрые? Или не нравится?

Еще немножко и окажем своему саду последнюю услугу: переждав один-другой осенний заморозок, устелем его зеленой хвоей; нагнем розы, подгребем к их шейкам земли, наложим сверху душистых еловых ветвей и – покойной ночи! Обычно этой хвоей накрываешь и что-нибудь другое, – скажем, перочинный ножик или курительную трубку; а весной, сняв хвою, опять все это находишь.

Но до этого еще далеко; мы еще продолжаем цвести. Еще погребальные астры мерцают своими сиреневыми глазами; еще распускаются первоцвет и фиалка в знак того, что ноябрь – весна; еще хризантеме индийской (которую называют так потому, что она не из Индии, а из Китая) ни метеорологическое, ни политическое ненастье не мешает расточать хрупкое и неисчерпаемое богатство своих цветов – рыжих и белоснежных, золотых и темных; еще доцветают последние розы. Ты цвела шесть месяцев, королева: видно, положение обязывает.

А потом еще расцветают листья – осенние листья, желтые и багряные, рыжие, оранжевые, красные, как перец, кроваво-бурые. А красные, оранжевые, черные, покрытые голубым налетом ягоды? А желтое, красноватое, светлое дерево голых ветвей? Нет, мы еще и с кончили. Даже когда все завалит снегом, будут еще темно-зеленые падубы с огненно-алыми плодами, и черные сосны, и туи, и тиссы. Этому никогда не бывает конца.

Говорю вам, смерти не существует. И сна тоже. Просто мы перерастаем из одного периода в другой. К жизни необходимо относиться с терпением: ведь она вечная.

Но и вы, не имеющие ни единой собственной грядки во всей вселенной, можете тоже в осенний период поклониться природе, посадив в горшки луковички гиацинтов и тюльпанов, чтоб они у вас за зиму либо замерзли, либо расцвели. Это делается так; вы покупаете подходящие луковицы и в ближайшем цветочестве – мешок хорошо компостированной земли; затем отыскиваете у себя в подвале или на чердаке все старые цветочные горшки и в каждый сажаете по луковице. К концу операции вы обнаруживаете, что для нескольких луковиц не хватает горшков. Вы подкупаете горшков, после чего оказывается, что не хватает луковиц, а остались лишние горшки и земля. Вы подкупаете луковиц и, так как опять не хватает земли, приобретаете еще мешочек компоста. У вас опять остается лишняя земля, которую жалко выбрасывать: уж лучше еще прикупить горшков и луковиц. Это продолжается до тех пор, пока ваши домашние не взбунтуются. После чего вы, заставив горшками окна, столы, шкафы, буфет, подвал и чердак, принимаетесь с доверием ждать наступления зимы.

Приготовления

Как ни толкуй, а все признаки говорят о том, что природа, так сказать, ложится в зимнюю спячку. Лист за листом опадает с моих березок – движением прекрасным и в то же время печальным; все, что цвело, клонится к земле; от всего, что буйно зеленело, остались – голая метелка да осклизлая кочерыжка, сморщенный лопух и сухой стебель. Сама земля издает сладкий запах тления. Как ни толкуй, а на нынешний год – кончено. Хризантема, не фантазируй больше о богатстве жизни. Лапчатка, не принимай этого последнего солнца за яркое солнце марта. Ничего не поделаешь, дети: занавес опущен; смиренно ложитесь на всю зиму – спать.

Да нет же, нет! С чего вы взяли? Молчите лучше! Причем тут сон? Каждый год говорим мы, что природа на всю зиму ложится спать, а ни разу не видели этого сна вблизи; точнее сказать, не видели снизу. Перевернем же все вверх ногами, чтобы лучше разобраться; перевернем природу вверх ногами, чтобы заглянуть в глубь ее: перевернем ее вверх корнями. Господи, какой же это сон? И это вы называете отдыхом? Можно подумать, что растительность перестала тянуться вверх – по недостатку времени – а, засучив рукава, ринулась вниз: поплевала себе на ладони и пошла закапываться в землю. Посмотрите: эти светлые щупальцы в земле – это корни. Видите, куда лезут? Хруп, хруп! Слышите, как земля трещит под их неистовым могучим натиском? “Честь имею доложить, генерал, что передовые части корней проникли глубоко в район расположения противника. Патрули флоксов вошли в соприкосновение с патрулями колокольчиков. Отлично. Пускай теперь окапываются, закрепляя завоеванное пространство: боевое задание выполнено”.

А вот эти толстые, белые, хрупкие – это новые ростки и побеги. Смотрите, сколько их появилось! Как ты незримо раскинулся, увядший высохший многолетник, как весь кипишь жизнью! А вы говорите – сон. Черт ли в цветах и листьях – нам не до красованья. Внизу, под землей, идет теперь настоящая работа. Вот здесь, здесь и здесь расти новым стеблям. Отсюда досюда, в этих ноябрьских границах, забьет ключом мартовская жизнь. Под землей уже начертана великая программа весны. Еще не было ни минуты отдыха; вот план строительства, здесь выкопаны рвы для фундамента и проложены трубы. Мы прокопаем еще дальше, прежде чем землю скует мороз. Пусть весна раскинет зеленые свои своды над трудом зачинательницы-осени. Мы, силы осенние, свое дело сделали.

Твердый, плотный торчок под землей, желвак на темени клубня, странный отросток, скрытый сухой листвой: это бомба, из которой вырвется весенний цветок. Весну называют порой прорастания; на самом деле пора прорастания – осень. Если судить по внешнему виду природы, получается, что осень – конец года. Но едва ли не больше правды в том, что она – начало года. На обычный взгляд, осенью листья осыпаются, и против этого трудно спорить; и все же я утверждаю, что в подлинном, глубоком смысле слова осень – как раз такая пора, когда пробиваются листки. Листья сохнут потому, что близится зима; но еще и потому, что уже близится весна, что уже образуются новые почки, маленькие, как капсуль, который, взорвавшись, выпустит на волю весну. Это обман зрения, будто деревья и кустарники осенью голы: они усеяны всем, что на них появится и развернется весной. Это обман зрения, что осенью цветы погибают: они тогда как раз нарождаются. Мы твердим, будто природа отдыхает, в то время как она рвется очертя голову вперед. Она только заперла магазин и закрыла ставни; но за ними уже идет распаковка нового товара, и полки гнутся от тяжести. Друзья мои, да ведь это настоящая весна! Что не заготовлено сейчас, того не будет и в апреле. Будущее – не впереди; оно уже сейчас налицо, в виде ростка, уже среди нас. А чего среди нас нет, того не будет и в будущем. Мы не видим ростков, потому что они под землей; и не знаем будущего, потому что оно в нас. Иногда нам кажется, что мы пахнем тлением, завален-

ные сухими остатками прошлого. Но если б мы могли видеть, сколько толстых белых побегов пробивается в этом старом культурном слое, что носит название “сегодня”, сколько семян незримо пустило ростки; сколько старых саженцев собирает и сосредоточивает всю свою силу в живой почке, которая однажды прорвется цветущей жизнью! Если бы мы могли наблюдать тайное клочкотанье будущего среди нас, мы, наверно, сказали бы: какая чепуха – все наши скорби и сомнения! Поняли бы, что лучше всего на свете – быть живым человеком: то есть человеком, который растет.

ДЕКАБРЬ САДОВОДА

Ну вот, теперь все кончено. До сих пор он рыл, копал и рыхлил, переворачивал, известковал и уваживал, пересыпал землю торфом, золой и сажей, подстригал, сеял, сажал, пересаживал, делал отводки, опускал в землю луковицы и вынимал на зиму клубни, поливал и опрыскивал, косил траву, полол, укрывал посадки хвоей или окучивал их. Все это он делал с февраля по декабрь, – и только теперь, когда весь сад завален снегом, вдруг вспомнил, что забыл одно: полюбоваться им. Некогда было. Летом бежишь взглянуть на цветущий энциан – по дороге остановишься, из травы сорняк вырвешь. Только думал насладиться красотой расцветающих дельфиниумов – видишь: надо устраивать им подпорки. Расцвели астры, побежал за лейкой – поливать. Расцвел флокс, выдергивай пырей; зацвели розы, смотри, где им надо обрезать дикие побеги либо уничтожить колонии мучнистой росы. Расцвели хризантемы, кидайся на них с мотыгой – взрыхлять слежавшуюся землю. Да что вы хотите: дела было все время по горло. Когда же тут, засунувши руки в карманы, смотреть, как все это выглядит?

Но теперь, слава богу, кончено. Правда, кое-что еще надо бы сделать. Там, сзади – земля, как свинец, и я все собирался пересадить эту центаврию... ну да уж ладно. Снегом завалило. Что ж, садовод, пойдя, наконец, полюбуешься на свой сад! Вот это черное, что выглядывает из-под снега, – вискаррия; этот сухой стебель – голубые орлики; этот ком опаленных листьев – астильба. А та, метелка – астра *ericoides*, а здесь, где сейчас пусто, – тут оранжевая купавка, а та кучка снега – диантус, ну, конечно, диантус... А вот тот стебелек – красная острожка. Бррр, как мороз пробирает! И зимой-то нельзя полюбоваться своим садом.

Ну, ладно, затопите мне печь. Пускай сад спит под снежной периной. Нужно подумать и о другом. У меня полон стол непрочитанных книг; примемся за чтение; а сколько планов и забот! Пора заняться и ими. Только хорошо ли мы все укрыли хвоей? Достаточно ли утеплили тритому, не забыли ли прикрыть плумбаго? А кальмию надо бы затенить какой-нибудь веточкой! И как бы не замерзла наша азалия! А вдруг не прорастут луковички азиатского лютика? Тогда высадим на это место... что бы такое? Посмотрим-ка прейскуранты.

Итак, в декабре сад воплотился в огромное количество садоводческих каталогов. Сам садовод проводит зиму за стеклом, в натопленном помещении, заваленный по горло отнюдь не навозом или хвоей, а садоводческими прейскурантами и проспектами, книгами и брошюрами, из которых он узнает, что:

1) самыми ценными, благородными и прямо-таки необходимыми сортами являются как раз те, которых у него в саду нет;

2) все, у него имеющееся, – “слишком нежно” и “легко вымерзает”; к тому же он посадил на одной и той же клумбе, рядом, растения “влаголюбивые” и “боящиеся сырости”, а то, что он постарался высадить на самое солнце, требует как раз “полной тени” – и наоборот;

3) существует триста семьдесят, а то и больше, видов растений, “заслуживающих особого внимания”, которые “должны быть в каждом саду”, или во всяком случае представляют собой “совершенно новую разновидность, по своим качествам далеко превосходящую прежде выведенные”.

Обычно в декабре все это сильно портит садоводу настроение. Его берет страх, что под влиянием мороза или сильного припека, сырости, сухости, обилия солнца или недостатка его, ничто из посаженного им не примется. И он начинает ломать себе голову, как бы возместить страшный ущерб.

Кроме того, он видит, что даже если эту беду как-нибудь пронесет мимо, у него в саду не бу-

дет почти ни одного из тех “ценнейших, пышноцветущих, совершенно новых, непревзойденных” сортов, о которых он прочел в шестидесяти каталогах; вот это уж действительно недопустимый минус, который необходимо так или иначе устранить. Тут зимующий садовод совсем перестает думать о том, что у него в саду имеется, и отдается мыслям о том, чего там нету; а этого – гораздо больше. Он набрасывается на каталоги и отчеркивает в них то, что необходимо заказать, что нужно завести во что бы то ни стало. С наскоку он намечает к приобретению четыреста девяносто видов многолетников, которые надо заказать непременно. Пересчитав их и несколько умерив свой пыл, он с болью в сердце начинает вычеркивать те, от которых пока придется отказаться. Эту мучительную ампутацию приходится проделать еще пять раз, так что в конце концов остается каких-нибудь сто двадцать “самых ценных, благородных и необходимых” многолетников, которые он, охваченный восторгом, тотчас и заказывает. “Господи, поскорей бы март!” – думает он при этом с лихорадочным нетерпением. Но господь помутил его разум: в марте он обнаруживает, что в саду у него с великим трудом найдешь разве два-три места, куда еще можно что-то посадить, да и то у самой изгороди, за кустами японской айвы.

Покончив с этой главной и – как мы видим – немного преждевременной зимней работой, садовод начинает нестерпимо скучать. Поскольку “в марте начнется”, он считает дни, остающиеся до марта; а так как их слишком много, отнимает две недели, исходя из того, что “иной раз начинается уже в феврале”. Ничего не поделаешь, надо ждать. Тогда садовод бросается на что-нибудь другое – например, на софу, на диван или на шезлонг – и пробует погрузиться в зимнюю спячку, следуя примеру природы.

Однако через полчаса он неожиданно вскакивает из этого горизонтального положения, загоревшись новой мыслью. Горшки! Ведь можно выращивать цветы в горшках! Перед ним тотчас возникают заросли пальм и латаний, драцен и традесканций, аспарагусов, кливий, аспидистр, мимоз и бегоний – во всей их тропической красе. И между ними, конечно, расцветет какая-нибудь скороспелая примула, какой-нибудь гиацинт или цикламен. В прихожей устроим экваториальные джунгли, по лестнице будут сбегать лианы, а на окнах поставим цветы, которые будут цвести как сумасшедшие. Тут садовод озирается по сторонам: он уже не видит комнаты, в которой живет; вокруг него райский девственный лес, который он создаст. И он бежит в цветоводство – здесь же, за углом, – чтобы принести оттуда охапку растительных драгоценностей.

Принеся домой свою добычу, он обнаруживает:

что, если высадить все это, получится отнюдь не экваториальный девственный лес, а скорей небольшая горшечная лавка;

что на окна ничего ставить нельзя, так как женщины с пеной у рта доказывают ему, будто окна существуют для проветривания помещения;

что на лестнице тоже ничего нельзя ставить, потому что он там разведет свинушник и надрызгает водой;

что прихожую нельзя превращать в тропические заросли, так как, несмотря на его слезные просьбы и ругань, женщины не желают отказываться от привычки отворять там окна на мороз.

Кончается тем, что садовод уносит свои сокровища в подвал, утешая себя тем, что там они по крайней мере не замерзнут. А весной, копаясь в теплой почве сада, он начисто о них забывает. Но эти неудачи нисколько не помешают ему через год, в декабре, опять попытаться, при помощи новых цветочных горшков, превратить свою квартиру в зимний сад. Перед вами – еще одно проявление вечной жизни природы.

О жизни садовода

Говорят, розы знают свое время. Это верно: роз нельзя ждать раньше июня, а то и июля, кроме того – три года уходит у них на рост: раньше этого они не дадут вам порядочного венчика. Но гораздо правильней будет сказать, что знают свое время дубы. Или березы. Посадил я несколько березок и думаю: “Здесь будет березовая роща; а вот в том углу подыметесь могучий столетний дуб”. И посадил дубок. Но прошло вот уже два года, а нет еще ни столетнего дуба, ни столетней березовой рощи, приюта нимф. Несколько лет я, понятное дело, еще подожду: у нас, садовников, адское терпение.

У меня на лужайке стоит ливанский кедр, почти с меня ростом; согласно научным данным, кедр должен превысить сто метров, при толщине в шестнадцать метров. Хотелось бы мне дожидаться, когда он достигнет предусмотренной вышины и охвата. Право, было бы очень подходяще, если б я дожил в добром здоровье до этого момента и, так сказать, пожал плоды своих трудов. Пока он вырос у меня на целых двадцать шесть сантиметров. Что ж, подождем еще.

Или возьмем какую-нибудь травку. Она, правда, – если вы ее посеяли как следует, и воробьи ее не поклевали, – через две недели взойдет, а через шесть ее уже можно косить. Но до английского газона тут еще далеко. У меня для английского газона есть замечательный рецепт, принадлежащий, подобно рецепту на устерский соус, одному “английскому сквайру”. Некий американский миллиардер сказал этому сквайру:

– Сэр, я заплачу вам любую сумму, если вы мне откроете, каким способом можно получить такой совершенный, безукоризненный, зеленый, густой, бархатный, ровный, свежий, не поддающийся порче, – короче говоря, такой английский газон, как у вас.

– Это очень просто, – ответил английский сквайр – Надо тщательно обработать почву на

большую глубину. Она должна быть тучной и довольно рыхлой; но не кислой, не жирной, не тяжелой и не скудной. Потом нужно ее хорошенько выровнять, чтоб была как столешница. Посеяв траву, тщательно пробороните землю. Потом каждый день поливайте и, когда трава вырастет, раз в неделю косите ее; скошенное выметайте метлой, а газон бороздите. Каждый день нужно поливать его, опрыскивать, увлажнять, сбрызгивать или дождевать. После трехсот лет такой обработки вы получите точно такой же замечательный газон, как у меня.

Прибавьте к этому, что каждый садовод хотел бы, да и на самом деле должен испытать на практике все сорта роз, в отношении бутонов и цветов, стебля и листьев, кроны и других особенностей; а равно все виды тюльпанов и лилий, ирисов, дельфиниумов, гвоздик, колокольчиков, астильб, фиалок, флоксов, хризантем, георгин, гладиолусов, пионов, астр, примул, анемон, орликов, камнеломок, горечавок, подсолнечников, желтых лилий, маков, золотеня, купальниц, вероники, – из которых каждый имеет по меньшей мере дюжину первоклассных, необходимых пород, разновидностей и гибридов. К этому нужно добавить несколько сот родов и видов, имеющих только от трех до двенадцати разновидностей. Далее, необходимо уделить особое внимание растениям горным, водяным, вересковым, луковичным, папоротниковым, тенелюбивым, древовидным и вечнозеленым. Если сложить время, требующееся на все это, то, по самым скромным подсчетам, так сказать “на брата” выйдет по одиннадцати столетий. Садоводу нужно бы одиннадцать столетий на то, чтобы испытать, изучить и оценить на практике все, что ему полагается. Дешевле уступить не могу, самое большее – скину пять процентов, только для вас, поскольку вам нет надобности разводить все, хоть и стоило бы! Но вы должны поторопиться, не теряя дня даром, если хотите успеть к указанному сроку. Начатое надо доводить до конца – это ваш долг перед вашим садом. И рецепта я вам не дам. Вы должны сами пробовать и добиваться.

Мы, садоводы, можно сказать, живем будущим. Расцвели у нас розы, мы уже думаем о том, что через год они зацветут еще пышней. А вот эта елочка через каких-нибудь десять лет станет настоящим деревцем, – поскорей бы только эти десять лет проходили! Так хочется видеть, какими будут эти березки лет через пятьдесят. Настоящее, лучшее – еще впереди. С каждым годом все разрастается и хорошеет. Слава богу, и мы продвинулись на целый год дальше!